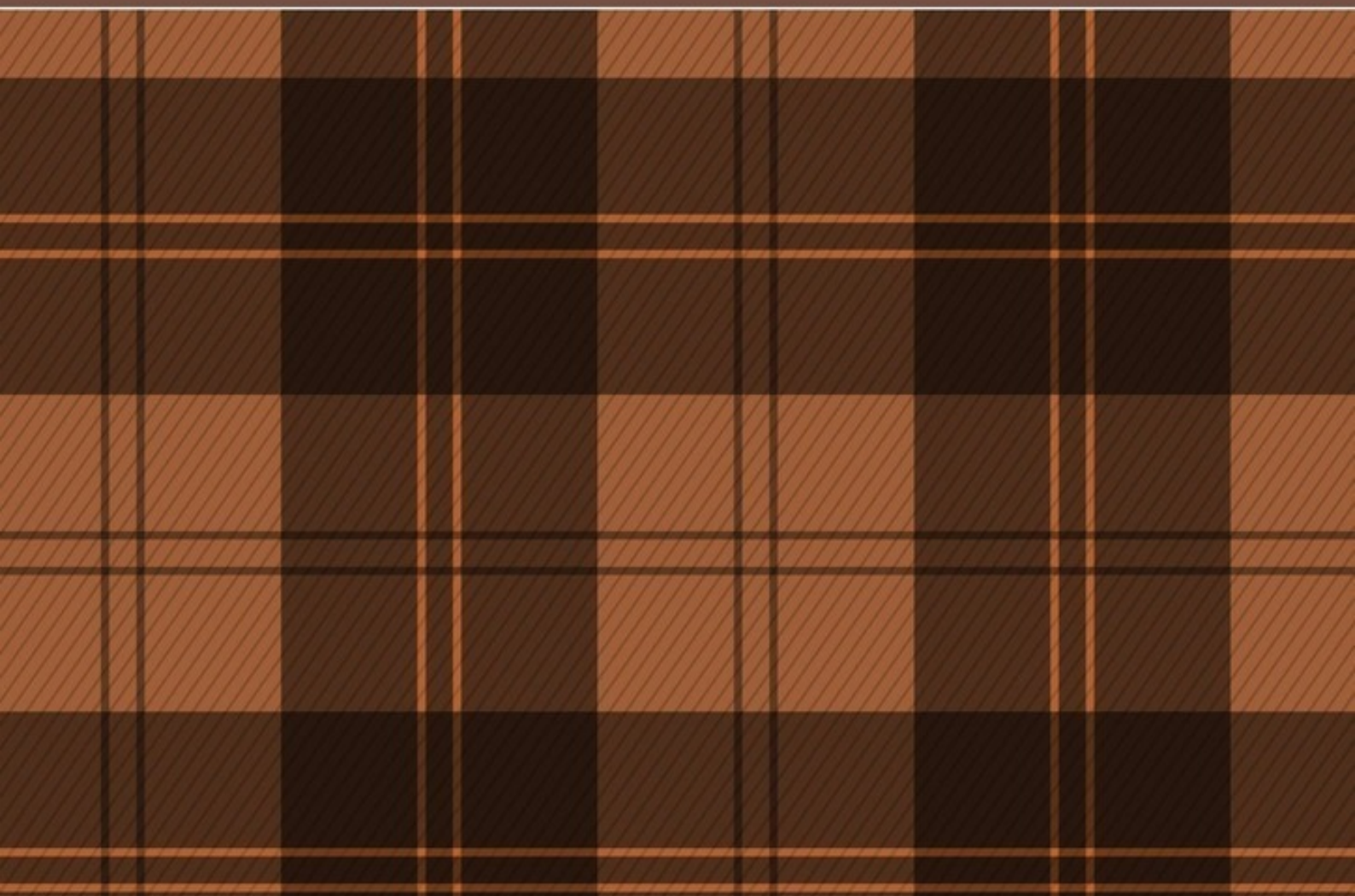

Ахметжан Орынбасарулы
Рзамбеков

Жаршары

Грань сущего бытия

Ахметжан Рзамбеков

Жаршары. Грань сущего бытия

«Издательские решения»

Рзамбеков А. О.

Жаршары. Грань сущего бытия / А. О. Рзамбеков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986960-9

«Я, дерево:• Мои ветви — это эмоционально-комбинированное окружение.•
Корни — это талант, сила воли и потенциал.• Моя любовь — это способность
впитывать влагу.• Вода — это милость Божья, распространяемая по всему
крону, до каждого листа.• Солнце, скрывающееся за тучами — это мнения
людей. Чтобы дерево хорошо росло и отбрасывало большую тень, следует
подстраиваться под природу, смиренно чередуя сезоны — на каждом его
этапе, приобретая мудрость»

ISBN 978-5-44-986960-9

© Рзамбеков А. О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

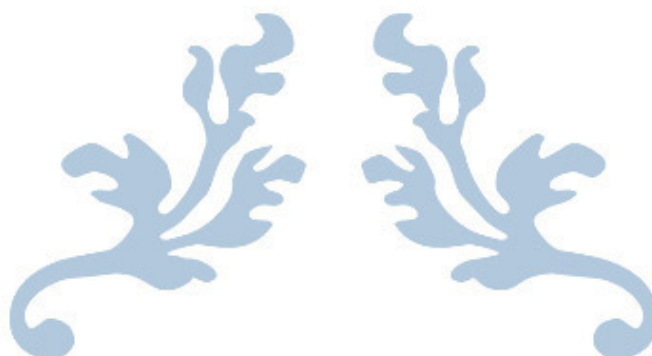
Жаршары Грань сущего бытия

Ахметжан Орынбасарулы Рзамбеков

© Ахметжан Орынбасарулы Рзамбеков, 2023

ISBN 978-5-4498-6960-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖАРШАРЫ

Аннотация

Повесть «Жаршары¹» – является парадигмой нескольких ветвей сюжетного переплетения, способное погрузить разум любопытного читателя, в глубокий ментальный колодец самопознания. В момент очередного тернистого поиска собственного «Я» и веющих сакральных желаний, соразмерно ёмкий и одновременно живой слог, сумел вобрать в себя парадоксы энтропийного нивелирования и следы экзистенциально-духовного самоопределения. А также, лаконично обвить индивидуальное кредо, некой тонкой калькой, передающей философско-лирический концептуальный окрас.

По мере авторского повествования, поэтапно раскрываются глубокие переживания и размышления современников того периода: яростно гнавшихся за красивой жизнью и его вождельными дивидендами. Средневековая коммуна, как и во все времена, жадно пытается уцепиться за уступы появляющихся перед ним сиюминутных возможностей. Локально-исторически оказавшись непосредственным участником преобразований при невольном существовании в некой зыбкости и коварности, политически-амбициозных взаимоотношений алчного и властолюбивого народа, под круговой порукой манипулятивного руководства, сих строгих попечителей.

Данный рассказ, охватывает период XV века. Где постоянное напряжение при выборе безальтернативного исхода в той или иной ситуации, заставляет читателя искренне сопереживать главным героям. Сюжет повествует о человеке, который поднялся из «грязи в князи», возглавив маленькое, но вполне независимое государство. Жаршары – это персонаж, жизнь которого полна многих, воистину непосильных для среднестатистического смертного, испытаний. Но несмотря на тяжёлую судьбу, сумевшему доказать всему миру, а главное самому себе, что путём трудолюбия и искренней жертвенности ради Аллаха при поддержке вверенного ему народа, можно обрести славу и почёт на многие века – прославив достойнейшим правителем, среди уважаемых мужей своего поколения! Через мысли и решения хана Жаршары, открывается возможность обрести бесценный опыт и на себе ощутить бремя неподъёмной власти.

История, в действительности, не имеет сослагательного наклонения. Поэтому читателю, к концу книги, придётся прибегнуть к вынужденной инъекции субъективной трансцендентности, завёрнутую в педантичный самоанализ, сцеженный через сито всплывающих вопросов: ныне очень глубоко засевших в чугунной голове. Единовременно подводя к фундаментальному размышлению о том, что наша беспечность – даже маломальское безрассудное действие, может привести к колоссальным последствиям, словно палитра бесконечных вариаций стечений обстоятельств, от запущенного нами «эффекта бабочки». Гуттаперчевый посыл, словно бумеранг, обучит человека тому, что, прежде чем осудить кого-либо, за какое-либо его свершение, следует для начала найти тысячу оправданий его резонансно-неестественному поступку! Ибо воистину, мы сами небезгрешны, в подавляющем большинстве случаев при своём земном (физическом) путешествии, по аналогичному мосту «сират²». Персонажи данной сюжетной линии, позволят взглянуть на себя лично (на благородные и неблагоприятные качества), через призму эдакого кривого зеркала, тождественного вымышленным героям.

«Жаршары» – это рассказ, комбинирующий в литературном изложении, исцеляющую психологию и развивающую философию. Своим сюжетным повествованием он похож на отдельные истории из бестселлера «тысячи и одной ночи», дошедший до наших дней через сборник персидских сказаний, а позже дополнившийся сказками из арабского и индийского фольклора.

Да будет вам во благо, прочтение данной завораживающей повести! Пусть же та сакральная идеология, выработанная путём проб и ошибок: на базисе принципов, дисциплины и выбранного вектора – не сворачиваемо-следуемого ханом Жаршары, подтолкнёт вас сформировать глубоко-личное воззрение, которое не подвергнется манипулятивному внушению радикально-аморального суждения!

Ахметжан Рзамбеков

Пролог

«Во времена великих изменений – в период веры в Единого Творца, дошедшей до бескрайних степей. Во всей необъятной Евразии, переживавшей взлёты и падения при коллаборации и соперничестве самодостаточных народов. Опять-таки из-за ненасытного желания материальной наживы и безграничной власти, вождей многонациональных племён, предопределённо приютивших на своём истязаемом пласте, великие династии и монументальные царства. Вследствие собственной каскадно-васкулярной недалёковидности, своевременно не принявшие во внимания новообразованную латентную ветвь в сообщающихся сосудах: невольно упустив из-под носа, прогрессивно разрастающийся (как вспыхнувший яркий свет) ислам и правоверных мусульман. Которые отчаянно вели духовные и ментальные противоборства, против глубоко утвердившегося в сердцах и умах людей „джахилии“³. Некогда укоренённую через неразрывную цепь поколений – намертво въевшуюся среди последователей тенгрианства и идолопоклонства, испокон веков существовавшие в этих краях».

Не прошло и полувека с начала монгольского завоевания, как многие из монголов, в отличие от остальных своих сородичей (хранивших верность прежним верованиям и неукоснительно соблюдавшим общепризнанные Ордой законы), стали добровольно принимать ислам. Несмотря на установленные Чингисханом доктрины, искажённо описанные в летописях китайских и других враждовавших с ним государств. Таким образом преобразовывая идеологию «кровавого меча» завещанную чингизидам, в некую пассионарную догму, обёрнутую в форму кочевнического быта и существования.

Мусульмане-монголы, занимавшие ключевые должностные посты в государстве, активно способствовали устранению последствий тяжёлого хаоса, вызванного войной. Они стали восстанавливать Бухару, Самарканд, Хорезм, Ходжент и другие города и поселения. История гласит, что среди принявших ислам монголов, спустя некоторое время, появились справедливые ханы, наместники и богобоязненные учёные. Одним из видных и уважаемых ханов, способствовавшим принятию монголами ислама и ставшим защитником мусульман, был могущественный правитель Золотой Орды – Беркехан. Он правил землями от севера Туркестана, до реки Волги.

Позднее его дело продолжил Султан Мухаммад Узбек, признанный покорёнными народами и племенами, правителем огромного пояса земель от Приволжья до Крыма и дальше – охватывавшего значительную часть территории, ныне входящей в состав современной России. Он являлся одним из потомков хана Джучи (унаследовавшего свой «улус»⁴ от великого завоевателя – общеизвестного впоследствии во всём мире, в плеяде исторических свершений, оставившего глубокий отпечаток в памяти людей, а также в ДНК множеств ассимилированных племён и народов).

Ещё одним монгольским ханом, принявшим Ислам, был правитель всего Мавераннахра и Туркестана великий Султан Тарамширан, который по своей родословной линии восходил к самому Чагатаю. Хотя этот его пращур был ярким врагом мусульман, подвергавшим верующих в Единобожие страшному и ужасному гнёту: беспощадно разрушавший многие незыблемые города, и опустошавший богатые плодородные земли. По милости Всевышнего Аллаха, Тарамширан стал праведным мусульманином! Он стал одним из значительных звеньев в цепи последующих покаяний – ярким пламенем очищения, вспыхнувшим после затянувшейся великой смуты, вызванной деяниями жестоких предков. Своей справедливостью и скромностью он был под стать халифам, носившим титул «Хулафа ар-Рашидин»⁵, а также халифу Умару ибн Абдулазизу.

Ещё история прошлых эпох, хорошо помнит период Илхани персов. В те времена иракцы из Шама толпами стали принимать Ислам. Они были потомками Хулагу – первого врага Ислама, разрушившего Багдад и уничтожившего Аббасидский Халифат. В своё время он практически до основания разрушил многие их города, жестоко обращаясь с покорёнными его жителями, оставив глубокий шрам на всей исламской «умме⁶». Быть может поэтому, именно из его воинственного рода, вышел благородный и справедливый правитель, «принявший Ислам» – уверовав во Всемогущего Аллаха и его Посланника (*да благословит его Аллах и приветствует*).

Подобным образом, вселенский коловрат менял сознание всех последующих поколений, циклично разрушая и заново созидая устои, в волнообразно переменчивом дольном мире.

Как так могло случиться, что захватчики, разбившие мусульман, в конце концов, приняли новую для себя веру? Ведь обычно в истории человечества всё происходит наоборот: побеждённые покоряются воле победителей и отдают себя на их суд, принимая политическую идеологию того, кто правит ими, и кто волен своенравно покарать. Как говорится, «народ следует религии своих правителей». Однако, после нашествия великой монгольской империи, мусульмане смогли добиться того, что захваченные оккупантами территории, вновь стали мусульманскими государствами.

Шли века, менялись поколения. Со временем изменился духовный облик всей Азии и восточной Европы. Но одно оставалось неизменным. Всё-таки, традиции и обряды каждой племенной общины, раскрывали свой индивидуальный и неповторимый колорит. Период, о котором пойдёт дальше речь – это время богатое на перемены. Имеющие отголосок ныне канувших великих свершений на пути Аллаха, в лице героев освободителей и его притеснителей. В истории человечества всегда существовали устои, которым следовали люди. Народ каждого государства безусловно имел отличия в вере, языке и цвете кожи. Несмотря на обобщённое понимание справедливости и ментально-тактильное сосуществование с окружающим миром. Биполярный характер индивидуумов, заставлял мирный люд, мучительно извиваться на политической сковородке. Эдакие тираны, религиозные фанатики и приверженцы архаических заветов, были и у кочевников. Налёт негласных правил «Великой Степи» подчинил приграничные территории, законам военного времени. Которым не могли перечить ни старейшины своих племён, ни даже его ханы. Женщина той поры, скорее была имуществом отца, нежели самостоятельной личностью. Она не имела права голоса в мужском сообществе, если же только не добивалась особого социального статуса, или же не принадлежала к правящей семье. Мужчину же ждала судьба стать, либо выдающимся воином, либо очередной боевой потерей.

В социально-политическом плане – на карте постоянных конфронтационных преобразований, у каждого избранного, или же самопровозглашённого самодержца, имелась толика контролируемых земель, подвластных его воле. Пленных рабов тоже хватало. Ибо междоусобные войны, да набеги разбойников на беззащитные караваны в этих краях, уже стали повседневным явлением. С которыми не в силах были справиться, ни наместники городов, ни «эмиры⁷» государств.

Целая «клубочная жизнь», пролетала словно стрела, выпущенная из натянутой тетивы, на которую нанизана, сея неразрывная нить. Через земли Центральной Азии по «Великому Шёлковому Пути» сезонно шли караваны, из дальних краёв. Перевозя в своих загошках чай и разнообразные специи, фарфоровые и гончарные изделия, разные украшения, драгоценности и ткани. Из-за частых набегов грабителей невольно приходилось обращаться за помощью к наёмникам в разных городах. В то же самое время, выплачивать дань местным управленцам, за безопасный проход по контролируемым ими феодальным территориям. Одним из таких городов, стоящим на пути караванов, был цветущий город Фариз. Его правителем был всеми любимый и основательно закрепившийся на своём троне, хан Жаршары. Он завоевал неувя-

даемую славу, в многочисленных победоносных сражениях. Но уважение и почёт, обрёл благодаря своей гуманности и справедливости.

Хан Жаршары имел единственную и горячо любимую дочь Фатиму — его бесценное сокровище, на всём белом свете. Помимо неё, других родственников у него больше не осталось.

На политической арене — как опытный правитель, Жаршары обладал внушающим авторитетом, использовавшим весомые доводы для поддержания стабильности в регионе. Довольно часто принимая весьма тяжёлые решения, чтобы ненароком не развязывать глупые и бесполезные войны, с соседними фракциями и городами. Он мирил враждующие племена и старейшин почитаемых родов, порою развязывавших крупные раздоры, во внутрисемейных интригах. Параллельно контролировал выходки амбициозных карьеристов, безжалостно проливавших кровь конкурентов при определённой периодичности разделения сфер влияний. Такое часто происходит из-за треплющейся внутри неуёмной алчности и властолюбия, что со временем превращалось в дестабилизирующую злокачественную опухоль, прямо под боком. Иногда даже прощал выходки мелких разбойников, что отражались очередным убыточным балансом в ежеквартальных докладных и оброчных манифестах крупных землевладельцев, а также в «джизье»⁸ иноверцев — совокупно сосуществовавших в данных областях. Ну и соответственно, в окончательной книге учёта финансовых потоков, у его казначеев, нехотя превалирующих с отрицательными пометками в показателях, представляя чёрной долговой ямой в графе доходов и расходов страны. Такие жертвы, несомненно, приносятся дабы в конечном счёте, предотвратить любые предпосылки внезапной внешней агрессии. Поскольку даже исхудалый, но всё же нейтралитет, крайне необходим, для своевременного укрепления слабых позиций!

Хан Жаршары был глубоко набожным человеком, твёрдо следовавшим всем постулатам своей веры — ментально опираясь на священный Коран, а также, на достоверные хадисы от Посланника Аллаха (*да благословит его Аллах и приветствует*). В различных ситуациях ему часто приходилось принимать непростые решения, ведя одновременно духовную, политическую, военную и административно-социальную жизнь: неустанно примеряя на себя роль связующего регулятора и умелого пастыря, в цепи городских насущных проблем, обычно не имевших исчерпывающе-ёмкого решения, без грамотного руководства их правителя. Из-за противоречий в вопросах религии, а также судебно-правовых тяжб — торговых, личностных и иных неблагоприятных напастей, в купе классового неравенства, нерешённые задачи превращались в дести наслаиваемых бумаг, откладываемых на неопределённое время. Вследствие чего, в некоторых подотчётных институтах, происходил временный коллапс их прямой функциональной обязанности. Ибо воистину, всё упиралось в окончательное волеизъявление падишаха. Так что дел у хана Жаршары, было всегда предостаточно.

Бумажная волокита с лёгкой степенью бюрократии в законах, в будущем иерархично подчинила каждую прослойку общества. В дальнейшем способствуя местным структурам работать в автономном режиме. Однако по особо важным вопросам: государственной безопасности и иного характера глобальных проблем, подавался непосредственный запрос, дабы верховный «кадий»⁹ мог лично взять под контроль ту или иную ситуацию. Чтобы он в свою очередь, мог своевременно уведомить хана Жаршары о промежуточных и цельных процессах конкретных процедур. В связи с чем, повелитель и принимал те или иные указы, преобразовывавшиеся в результате в устоявшийся свод будущих законов. Благодаря этому, в итоге ему удалось срубить на корню, некогда разросшуюся дикую коррупцию. Такие перемены оттащили зажавшуюся элиту от всеобщей кормушки, искоренив наглое воровство высокопоставленных представителей. От чего город со временем стал только процветать и развиваться. Впоследствии начали расти социальные льготы, а вместе с ним патриотизм, да искренняя любовь его жителей. Таково было положение города Фариз и его сплочённых граждан, на тот период».

Глава 1

Айша, или тяжёлое восхождение, хана Жаршары

«Душа – безмолвный холст, Творца!
А наша «длань», как пыль, ложится!
Нельзя спросить, у мертвеца:
Где в бой, где надобно смириться?
Меняет век, своих героев —
Рождая луч, больших надежд!
Несправедливость, словно Троя:
Смертельна светоч, для невежд!
Мать – проводник, учитель первый:
Весь рай, под нежною стопой!
Так много сил и столько нервов,
Она потратила, с лихвой —
Лишь чтобы стать, твоей стезёй:
Уютным домом, для души!
Полярной – яркою звездой!
Молитвой, что не заглушить!
В мирской заботе – вне прострации:
В борьбе, за шанс существования!
Душа, без образа и нации,
Пойдёт её, повествование!
От колыбели, до могилы —
Весь спектр чувств, внимая вновь!
Дурманом неким, расходилась —
В скользнувшем вихре любовь!
В одной судьбе, внахлест поступки,
Где, слово – птица, на устах!
Заслуги все и все проступки —
Багаж истории, в томах,
Чернильным следом, остаются:
Воспоминаньем, мудрецов!
По рекам жизни разольются —
Звучанием, тысяч голосов!
Каскадом знаний орошая:
В цветение, веру наложив.
Из книг, учения вбирая —
Разумно, мудрость потрошив!
Невзгоды, счастье, чередуя —
Смирено, фатум дней приняв.
Из жизни, радости смакуя —
Занозу опыта, вогнав!
Быть может, эдакая доля,
Вернётся, с собранным уроком.
Сыграв героя, в брэнной роли —
Противясь, манящим порокам!

Отождествляя тело, луком.
А дух, испущенной стрелой.
В пути, испытывая муки —
Где смерть сокрыта, за чадрой!
Пройдётся дервиш, босоногий,
«Змею, в кустах» схватив за хвост!
Куда ведут, судьбы дороги,
Когда ж разрушиться, сей мост?
Разверзнув, смысл испытания —
На Божий суд, вверяя дух.
От хорды, сущего скитания —
Летя как камень, или пух!
Сквозь антураж, под песнь «Данте»:
«Камеей выпуклой» – потомкам!
Сменив природу, на ландшафте —
Создав дворец, среди обломков!
Не обвиняя праотцов,
За их грехи и вольнодумство.
И в стане будучи, писцов,
Быть деликатным и искусным!»

Хан Жаршары не был рождён наследником во влиятельной и богатой семье, которая монархически передала бы все бразды правления над устоявшимся государством. Ещё при рождении, судьба обошлась с ним крайне жестоко: не позволив будущему правителю Фариза, обрести маломальское родство, даже среди пролетариата.

Айша – его мать, была малоимущей сиротой. Ей было всего пятнадцать, когда как война, уже забрала её отца. А голод и болезни, унесли в могилу её мать и двух младших братьев. Она была ткачихой, работающей не покладая рук, в поисках своего ежедневного пропитания. Состригая овец и обрабатывая шерсть, в дальнейшем она пропитывала пряжу натуральной краской. Затем подготавливала разноцветные нити к будущим ткацким изделиям. Эта хрупкая девушка долго и кропотливо трудилась, создавая замечательные ковры с изящными узорами. Но в своём ремесле, её женская натура всегда чувствовала притеснение при естественно-деловой конкуренции с торговцами-мужчинами, в периоды оживлённых продаж. Чтобы прокормить себя, ей приходилось продавать свои ковры почти что за гроши.

Тяжела была жизнь одинокой девушки. Платить аренду за постоянное место на дневном базаре, более не было возможности. Ибо бережённость средств – унаследованных после скоропостижной кончины близких родственников, ей уже совершенно не хватало. Ей даже пришлось распрощаться со своим отчим домом – живя в итоге на базаре (у порога арендованной лавки), дабы оплатить приобретённые займы за ткацкий станок и материалы, ради функционирования своего кропотливого производства. В итоге это заставило её принять нелёгкое решение: перебраться из родного города в места невиданные ранее. Нужда вынудила Айшу отправиться с караваном в благоприятные земли, для возможности продвижения индивидуальной продукции в оговариваемых торговых сделках. Караван шёл долгие дни и ночи, останавливаясь во всех городах на его пути. Пытаясь продать свои ковры, она уделяла всё своё внимание и время, всем потенциальным покупателям, на спонтанных базарах. И наконец, в одном из крупных городов, по воле Всевышнего Аллаха, ей удалось продать все свои рулоны (ковров) одному купцу, оценившему её изысканный труд, по достаточно хорошей цене. Айша благодарила Бога за благоприятную сделку и даже частично раздала милостыню неимущим, дабы

выразить свою бесконечную признательность судьбе. Но её радости увы, суждено было продлиться недолго.

Уже через несколько дней, караван покинувший город, стоял на ночном привале. Мирно почивавшие торговцы и купцы, даже и не предчувствовали беду, алчно надвигавшуюся с наветренной стороны безмятежно отдыхавшего лагеря. Внезапно среди ночной тиши, полчище разбойников – словно безудержная буря, обрушилась на слабозащищённых людей. Они убивали всех, кто пытался оказать сопротивление, внушая страх каждому человеку, прибывавшему в бедственном положении. Опасаясь за свои жизни, торговцы отдавали все свои вырученные деньги, а купцы приобретённые товары. Лишившись всего своего имущества, некоторые мужчины и многие молодые женщины, были насильно угнаны безжалостными и наглыми захватчиками в неминуемое рабство, вместе со всем (груженым) скотом.

Один из этих злобных и жестоких разбойников, также вырвал у малоимущей Айши, припрятанный глубоко за пазухой мешочек, с кровно заработанными ею монетами. Прибывая в нереальном ужасе и бесчинствующем кошмаре от всего происходящего, она, всё же не страшась за свою жизнь, судорожно набросилась на вора. Айша отчаянно сопротивлялась, желая вернуть насильно отнятое у неё имущество. И это оказалось жестокой ошибкой. В потасовке она случайно порвала его рубашку, что привело её притеснителя, в страшную ярость. Вытащив свою саблю, он приставил острое лезвие к горлу Айши. Прощаясь с этим миром, она просила Аллаха, через «Малак-уль-Маута¹⁰», забрать её душу. Но не такая, к сожалению, ждала её судьба. Немного остыв, этот бесчестный подлец позарился на красоту невинной Айши. Жестоко надругавшись над ней – на глазах у парализованных животным испугом торговцев и купцов, а также хлопавших да посвистывавших приспешников. Напоследок он бросил перед ней на землю, полустёртую медную монету. Как бы указывая на её положение и цену. Затем ехидно рассмеявшись перед своим уходом, тот подчеркнул её незащищённость и немощность перед его силой и властью.

Убитой горем и навеки опозоренной девушке, захотелось наложить на себя руки. Но её спутники – также потерпевшие бедствие, умоляли не делать этого. Ибо, соверши она этот греховный поступок, то её ждал бы гнев Аллаха. Прислушавшись к мнению своих спутников, Айша вся в слезах легла спать. В эту полную потрясений ночь, во сне, её сердце стало утешать её:

– Бедная Айша, несчастная моя хозяйка. Ты потеряла последнее что имела – свою честь. Но не плачь, пожалуйста! Я слышу, как ангелы несут тебе благую весть от Аллаха! По воле Всевышнего Творца ты получишь от него благодать за свои страдания, в лице своего чада: невольно зачатого при греховном вождении безумца, но с Божьей милостью, «заточённое в трёх мраках»!

Внезапно, Айша проснулась вся в холодном поту. Разумом она всё ещё не верила услышанным словам. Однако её хрупкое сердце, до сих пор колотилось как бешеное, после спонтанного пробуждения. Одновременно, словно рой жужжащих пчёл, пролетевших над её отяжелевшей головой, медленно затихал скоротечный звон, волнующе возникший во внемяющих ушах, и также, внезапно рассеявшийся, после услышанных пророческих слов. Сну предначертано было оказаться вещим. Спустя некоторое время уже стали проявляться первые симптомы беременности. Но Айша, теперь уже совершенно не беспокоилась, хотя и оказалась, будучи один на один со своими бедами. Будущая мать, всем своим нутром доверяла услышанному знамению и уповала в своей нелёгкой судьбе – на волю Всевышнего Аллаха, продолжая достойно жить, в ареале вверенного ей свыше испытания! Отгородившись огромным терпением от всех уныний, постоянно порождаемых унылыми и горестными мыслями. Юная особа, беспокоясь о своём самочувствии и за здоровье ещё не рождённого ребёнка, остановилось в первом же городе, до которого добрался изрядно потрепанный караван. Им оказался город Фариз. В нём, Айша в первую же очередь отправилась к Мечети, где села у его порога. А местные жители

брезгливо обходили её на поступях к храму, лишь снисходительно озирая неприглядный стан и непрезентабельное облачение путницы.

Гордость не позволяла ей просить милостыню у прохожих. Осознавая свою полную беспомощность и изнеможение, образовавшийся от жажды и стыда ком в горле, невольно выдавил из глаз, кристально чистые слёзы. Вдруг, из толпы отделился скромно одетый старец, медленно подошедший к ней. Опираясь на трость исхудавшей левой рукой, а правой придерживая перекинутую через плечо перемётную суму, сей преклонного возраста незнакомый прохожий, с белоснежной бородой и глубоко посаженными глазами, спросил её:

– Что с тобой? В чем причина твоего несчастья? Разве гостям прекрасного города Фариз, в такой солнечный день, следует предаваться грусти? Доченька моя, вытри же свои слёзы. И сними со своих глаз этот печальный занавес безнадёжности. Оглянись вокруг. Ведь наша жизнь, несмотря ни на что, бурлит и кипит... Тебе не стоит предаваться отчаянью. Ибо в душе, с «иманом»¹¹, ты не одинока.

Внезапно выдернутая из состояния глубокой фрустрации, фразой, переполненной доброжелательными флюидами. Опешившая Айша, легонько взглянув покрасневшими глазами на этого старика старающегося растянуть своё морщинистое лицо, в доброжелательной улыбке, тут же резко встала и вытерла слёзы. Затем с уважением поприветствовав пожилого мужчину, предложила ему сесть рядом с ней на ступеньках Мечети. А в ответ боязливо вымолвила:

– Почтенный старый господин, прошу прощения у вас за то, что лицеэзрите бездомную сироту и за то, что стали свидетелем её тяжёлого положения. Однако, как вы узнали, что я не местная и совершенно одна?

Спросив об этом, она плавно отвела свой взор от старика: взволнованно пощупывая и теребя от смущения, своё потрёпанное платье. И не дожидаясь ответа на заданный вопрос, опустила вниз – опухшие от слёз, карие глаза. При каждом вдохе плавно погружаясь в свои воспоминания, она то и дело обволакивала очи, мокрой пеленой отчаянья. В её голове, крохотными вспышками возникали образы домочадцев. А на мгновение – при смене кадров, застыл образ усопшего отца, который всеми самыми тёплыми чувствами, отпечатался на холсте её внутреннего мира. В годы беспечной её юности он часто был надёжной опорой. Ведь жестокий и реальный антураж мрачной мизансцены, уже перемолол своими безжалостными жерновами, немало наивных и неподготовленных к испытаниям, наивных судеб.

Старец вывел Айшу из состояния прострации несколькими покашливаниями, заполнив образовавшуюся неловкую паузу тёплым излучением мягкой улыбки. Затем, полностью просканировав её опытным взглядом, заметил, что она всеми способами пытается спрятать свои руки и лицо, дабы скрыть некогда приобретённые синяки и ссадины. Копаясь в своём мешочке, он достал старую – обтянутую верблюжьей кожей фляжку с водой, и протянул её Айше со словами:

– Выпей доченька. Ты тратишь последние силы на беседы с незнакомым стариком, сама же изнемогая от жажды. Как я могу не отблагодарить тебя за это, своим скромным подношением. Ты пей, пей. А я отвечу на твои вопросы.

Хотя её взгляд был обращён в пустоту, она всё же вслушивалась в каждое сказанное незнакомцем слово. Старец продолжил:

– Думаешь, как я пришёл к мысли, что ты наверняка не местная? Внимательно всмотришься дочка, на эту незыблемую мечеть. Прекрасный золотой купол, замечательные узоры на стенах и роскошная массивная парадная дверь! Здесь почти весь город принял Ислам и усердно старается следовать праведному пути. Издали наблюдая за тобой, вначале я пришёл к определённым поверхностным выводам. К примеру, если бы ты была мусульманкой, то непременно пожелала бы войти вовнутрь. Но ты не сделала этого, почему? Во-первых, я заметил твой растерянный вид. Тогда я решил, быть может, ты не знакома с Исламом и желаешь изучить его? Но ты, то и дело, совершала движение вперёд – подходя почти к самому порогу, а при виде выходя-

щих людей, стеснённо пятилась назад. Тогда первоначальное моё предположение, отпало само по себе. Ведь, если бы ты желала что-то узнать, то не раздумывала бы так долго. Но, а если же нет, то и близко бы не подошла к месту молельни. Во-вторых, я взглянул на твою одежду – местами испачканную от тягот путешествия, да полувыцветшую от летнего палящего солнца. Тогда я понял, что ты пробыла в длительном путешествии и что сей утомительный путь, был весьма тернист и витиеват. Однако почему же ты не осмелилась войти в мечеть, талдычила совесть моей логике? И только поставив себя, на твоё место, осознал, что тебя остановило большое сердце! Ведь как ты могла войти в дом Аллаха в небрежном виде, пренебрегая всеобщей сунной – неотъемлемого омовения, для прихожан! Поскольку каждый уважающий коммуны и строгие своды негласных законов, естественно выкажет своё недовольство, невольно оскорбив тебя за невежество. На фундаменте этого умозаключения, я благодатно ощутил, какая же ты богобоязненная сестра, не желающая наводить грязь на «Умму» пророка Мухаммада (*да благословит его Аллах и приветствует*) и на саму веру! Теперь же, как я пришёл к выводу, что ты одна. Вот здесь пришлось немного подумать. Первая мысль моя была о том, что если бы ты ждала кого-то, то предпочла бы прохладную тень, нежели жар полуденного солнца – на лестнице, у входа в мечеть. Но, даже если этот человек был бы в мечети, то рано или поздно, он бы вышел из него. А ты сидишь с самого утра и только сейчас проронила свои слёзы. Это привело меня к окончательному выводу, что ты не местная и без знакомых.

Сделав несколько глотков, Айша взглянула на старика и, легонько кивнув головой, тихо промолвила в ответ:

– Да вы правы, добрый господин. И спасибо вам за воду, мне стало легче.

Между ними слово за слово, завязалась доверительная беседа. Затем, она рассказала ему историю нелёгкой биографии, изливая старику глубоко-раненную душу. Дрожащими устами, открыто и навзрыд повествуя душещипательные моменты брэнной жизни. Вся глубоко засевшая боль в груди Айши, с каждым высказанным словом, словно тяжело-извлекаемая заноза сострадания, впивались в сердце его внимательного слушателя. Изложив все тяготы своего существования, доброму и отзывчивому старцу, она будто бы избавлялась от постоянно гложущих её ментальных тревог. Таким образом, Айша постепенно самоуспокаивалась. А по завершению её трагического рассказа: искренне сопереживавшей юной повествовательнице старик, печально покачал головой и очень тяжело выдохнул. После этого, безо всяких задних мыслей, утешительно похлопывая многострадальную молодую особу по спине, крепко прижал её потцовски, к своей широкой груди. Находясь в таком положении, этот набожный старик, с внезапно осенившим озарением в глазах, воскликнул:

– Постой, ты же ткачиха! Я знаю человека, который может тебе помочь! Поднимайся. Я отведу тебя к нему!

На вопрос Айши – куда и к кому они направляются? Старик ответил:

– Это мой младший брат. Он также шьёт одежду, ткёт ковры и изготавливает многие другие вещи. У него есть группа помощниц. Идём со мной дочка, я поговорю с ним о тебе. Тот, может взять тебя в свою лавку. Конечно, платить тебе он много не сможет, но зато вырученных денег тебе хватит, чтобы снова встать на ноги. И, кстати, жить будешь у него. Мы, мусульмане, должны помогать друг другу, в любой ситуации – когда у порога, притаилась беда!

Вскоре старик привёл Айшу в лавку к своему брату. Но его младший брат, напрочь отказался брать её к себе – сказав им, что это лавка не приют, принимающий всяких бездомных бродяжек. Старик тут же резко прервал его дальнейшее словоблудие. Затем, повернувшись к Айше, тактично попросил у неё прощения. Потом, взяв крепко брата за руку, отвёл того в сторонку, тем самым пожелав побеседовать с ним наедине. Оказавшись немного поодаль, он с теплом, сказал ему:

– Побойся гнева Аллаха, брат мой! Помоги ей! Помнишь, как ты сам начинал? Ведь у тебя вначале не было совершенно ничего. Даже этой процветающей лавки. Жена с сыном

хотели уйти от тебя. Беспробудно выпивая каждый божий день, ты проклинал свою жизнь, ведя бесполезное существование! Тогда же я продал своё скромное жильё, чтобы перестроить отцовский дом, в котором жил ты. Дабы твоя жена и сын не бросили тебя. Я купил на своё имущество эту лавку и отдал в твоё распоряжение. За всё время я никогда ничего не просил у тебя взамен. Теперь же, прошу тебя лишь сегодня – мой любимый брат, возьми её, как одну из своих помощниц, да приюти её под своей крышей. Хочешь, я встану на колени перед тобой, если моих слов тебе недостаточно. Выполни мою последнюю волю. Ибо впредь клянусь, я больше ничего у тебя не попрошу! И заклинаю тебя, именем Бога и предков! Дай мне слово, что ты никогда отсюда её не прогонишь!

Он пристыжённо согласился, вспомнив обо всех минувших несчастьях. И о ключевом спасителе, вытащившем его воодушевляющей вервью, из зыбучего болота, в котором многие, так и не получив второго шанса, сгинули в пьяном угаре. После этого старик тут же подвёл Айшу к своему брату и познакомил их: сразу же на месте, объяснив каждому, непосредственные функции. Он, в наказном порядке вменил им неотъемлемые двухсторонние обязанности, которые должны были беспрекословно соблюдаться.

Чуть позже, в разгаре знакомства с остальными коллегами, добрый старик незаметно выскользнул из помещения и растворился в толпе. Айша не успела поблагодарить праведного господина за его благородный поступок и равнодушие. Ей даже было немножко неловко из-за того, что она даже не удосужилась уточнить, как его зовут? Со временем она узнала, от его младшего брата – по имени Салих, что этого сердобольного старика, звали Жаршары.

Шли месяцы. Айша вскоре привыкла к каждодневной рутине в просторной мастерской, параллельно совмещённой с торговой лавкой. Жить в доме Салиха ей увы не позволили. Поскольку ревнивая жена и высокомерный сын, не пустили её даже на порог. Не сумев им возразить, Салих смог лишь предложить Айше оставаться на ночлег в самой лавке, на что она с радостью и согласилась. Благодаря растущей популярности ткацких изделий Салиха, работы со временем прибавилось. Вместе с этим рос и её живот, периодически доставляя будущей матери физические неудобства.

В один из дней – до намеченного срока, начались внезапные схватки и преждевременные роды. А принимать их пришлось женщинам, работающим в лавке вместе с ней. Роды проходили тяжело. Но в итоге, на свет появился ангельской красоты ребёнок: сын, о котором она видела, почти позабытый в повторяющейся повседневности, вещий сон. Все вокруг ликовали от счастья, восхваляя Всемогущего Аллаха! Салих взял ребёнка на руки, потом посмотрев на Айшу, радостно промолвил:

– Какой здоровый и прекрасный ребёнок! Это такой бесценный подарок от Бога, дарованный тебе как благо и милость. Цени же этот дар – олицетворяющий любовь Всевышнего, к Его рабам! Затем спросил:

– Айша, как ты его назовёшь?

Она скромно ответила:

– Я искала милость от Аллаха и спасение в городе Фариз. И помощь, мне пришла в лице вашего старшего брата. Господин, если вы не против моего решения, то я хотела бы назвать своего сына, в честь него – Жаршары.

На что Салих с превеликим удовольствием ответил утвердительно. Так начиналась судьба маленького Жаршары, в городе Фариз. Он рос и креп очень быстро. Смышлёный и озорной карапуз, ползал и бегал повсюду, куда заводило его врождённое любопытство, и незаурядный ум. Разведывая каждые закоулки по всей лавке, он то и дело иногда вытворял очень неожиданные и смешные вещи, заряжая позитивной энергией всех наблюдавших за его поступками людей: своими невинно-детскими шалостями, порою развеивая монотонную скуку её работниц, ну и приходящих за товарами угрюмых покупателей.

Однако, беззаботное время – это скоротечно осыпающиеся песочные часы. Словно на одном глубоком выдохе, безвозвратно ускользнули из жизни, десять беспечных лет. Салих тяжело болел в последние годы. Бурная молодая жизнь, отрицательно сказалась на его самочувствии. Чуть позже, он скоропостижно скончался, оставив всё своё наследство жене и взрослому сыну. Его супруга, сразу же после похорон почившего мужа, вместе со своим надменным сыном, прогнали Айшу и Жаршары, прочь на все четыре стороны – как жалких бездомных дворняжек. А перед этим, настойчиво угрожая им смертью, если же они решаться когда-нибудь вновь появятся возле их лавки. Ревнивая жена считала, что Жаршары – это внебрачный сын Салиха. И поэтому, ненавидела их обоих. Айша (внезапно оказавшаяся со своим неокрепшим сыном, в таком плачевном положении), тяжело восприняла этот удар судьбы, потрясший её до глубины души. Не сумев перенести данную трагедию, вскоре и она покинула суровый мир. Несчастный отрок, был сиюсекундно раздавлен, поскольку граница прежнего жития, словно глубокая чёрная трещина, разделилась на светлое «до» и тёмное «после». В эту безмолвную ночь лишений, лишь только голос совести шептал подсознанию речь, до которой детская личность, пока ещё не доросла – облачившись саваном мудрости, что присуще единицам!

«О луноликая Айша, свет очей моих! При каждом страдальческомestone, у обрыва последующих горестей и испытаний: в бесконечных скитаниях, перед навеки закрывшимися райскими сводами твоей материнской милости и любви. Я оказался отчуждённо-блуждающим путником во тьме – невольно вверяемый мученической доли, оставшись один на один со своими кошмарами и непостижимыми напастями жесткого, дольного мира. Ты, мой вечнозелёный кипарис, взметнувшийся ярким сияньем в небеса, заставив выйти из своих берегов, полноводные и быстротечные реки – обливающегося пульсирующими кровавыми потоками, детское сердце. Твои чёрные, словно ночь, медленно потухавшие угольками очи, застилали кристальные слёзы, внимая моё бедственное положение. От того, что твой короткий земной путь внезапно обрывался – навеки захлопнув незримую дверь, между нами. Теперь же, очутившись во мгле, на горе неподъёмных печалей, склоны ей тяжко вздыхали, сострадательно вслушиваясь в каждое моё сиротское стенание при твоём увы, безвозвратном путешествии. Твой несчастный сын, что видел розалии бессмертной красоты, кто всем сердцем был крепко привязан к родному лику и мускусу материнского аромата. Более не способен вдохнуть петрикор весеннего благоухания цветочного стана, растоптанного безжалостной стопой витиеватой судьбы. И не ощутить ему более тепла нежной длани на своей щеке, что надломанной ветвью повисла на коре безнадёжного самобичевания. Слёзы что ливня сильнее, бороздкой оставят глубокие шрамы на фасаде беспечности при лишении скоротечного мига, сего безвозвратного материнского милосердия. О госпожа неуёмно-сакральной боли! Грома раскаты, потопа в душе, от расколовшейся чаши небесного кубка, заставили сироту отчаянно взывать с мольбой к Аллаху – неустанно повторяя: дай же сил побороть вожделение, схождения с прямого пути при почковании слепого недуга! Защити же раба, от очередного наущения шайтана, в момент безрассудного выбора в жизни. Выведи заблудившегося агнца, из мрака горестей и несправедливости. Помоги же бедному Жаршары, преодолеть все испытания мира, обёрнутые опытом и безмерным благом от Творца!»

Так мальчик остался совершенно один. За короткий период, вкусив всю горечь предвзятого мира. Сердечный крик, с воплями безысходности, рвал душу в клочья, словно внутри терзал разбушевавшийся волк. А его глаза, от обильных детских слёз, обволакивались мутной плёнкой разочарованного отторжения. Но он не смел, проронить ни капли – богохульствуя и предаваясь самобичеванию, в память об обещании, данном им умирающей матери. Сей обет осиротевшей кровинки, состоял в том, что он никогда не станет сгибаться под давлением судьбы. И никогда не забудет, что за мрачными тяготами жизни, несомненно, придёт милость Аллаха: в этом мире или ином – рассекая зарёй непременной справедливости и воздаяния.

С помощью бывших друзей своей матери он проводил её в вечный путь, мгновенно повзрослев своей юной, но уже обросшей острыми шипами суровости, раненой душой.

Впоследствии, Жаршары будет сожалеть только о том, что он не смог подарить Матери, красоты нерасцветшего бутона женского счастья, среди озябшего поколения невежественно-материального волеизъявления. Где он как сын, положив на чашу весов свою покорность, смиренную веру и безмерную привязанность, не колеблясь, отдал бы тысячу радостных мгновений, дабы кротко поцеловать родные стопы. Ибо только потерявший внемлет, цену материнской любви.

Не желая опускать руки уже в таком маленьком возрасте, он искал любые возможности, чтобы заработать и самоутвердиться, в этом меркантильном обществе. Он помогал носить продукты беременным женщинам, от базара до дома. Ухаживал за больными и стариками – приходившими за помощью в мечеть. Чистил обувь и подносил кувшины с водой, умирающим от жажды прохожим, за любые подаваемые ими в благодарность гроши. В итоге, в возрасте четырнадцати лет, его под своё крыло взял местный кузнец, за ответственность и непоказное рвение.

Ночевал Жаршары в основном в переулках. Бездомные люди никогда не прогоняли его. Напротив, эти бедолаги, оказавшиеся на обочине своей судьбы, искренне позволяли ему так же греться у их костра, дабы не дать мальчику замёрзнуть, в хмурые и завывающие ночи суровых и холодных зим Фариза. Иногда городская стража разгоняла всех этих людей. Однако, они вновь собирались, но уже в других переулках большого города. Все, кто знал, или уже сталкивался с Жаршары, отзывались о нём исключительно доброжелательно. В основном подчёркивая его правдивость и трудолюбие. А также, непременно подмечая в самодостаточной натуре, некую доминирующую силу при подавляюще-властном взгляде.

Но больше всего людей поражало, как он отчаянно боролся с выраженной несправедливостью. Это качество ему передалось от матери. Вдобавок, с глубокой верой в Единого Творца. Он столько раз бросался под розги и невольно принимал удары обжигающих плетей, от жестоких хозяев и ревнивых мужей, вместо провинившихся рабов и послушавшихся жён. Такое безвозмездное благородство, увы, не ценит фривольное общество, которое находится по социальному статусу выше того, кому чуждо лизоблюдство и вульгарная показушность. В большинстве случаев, в глазах людей он оставался ублюдком и сиротой, не имеющим никакой имущественной ценности, за своей душой. Работая кузнецом, он многое знал об оружии. Трудясь от самого рассвета и заканчивая через пару часов после заката, юный Жаршары, словно сам находился между молотом и наковальней – закалив в кузнечном деле, нестибаемо-твёрдый дух и мощное тело. В шестнадцать лет он решил податься в солдаты. Молодой, но уже совершеннолетний Жаршары, никогда не забывал об Аллахе: пытаясь соблюдать все столпы своей веры, неукоснительно следуя общепринятому шариату и учениям праведных предшественников.

Через четыре года после того, как Жаршары завербовали в армию, хан города Фариз того времени, по имени Муглук, собрал своё огромное войско, дабы дать отпор неведомой буре, что сокрушительно надвигалась пядь за пядью с кровожадно-захватнических окраин. Беспощадная орда кочевых племён и малых народов, объединившая под своими знамёнами тридцатитысячное войско, неизбежно шла в сторону благоденствующего края. Военачальником этой армии, являлся воин знатных кровей по имени Естай, прозванный – «лютым волком востока», не берущим в плен разбитых врагов. Это был гордый хан, бессердечный правитель и просто импульсивный человек. Конфронтация между ханом Муглуком и ханом Естаем, была не в принципиальной форме правления. А исключительно затрагивала аспекты географической особенности, геополитических амбиций условного агрессора. Поэтому цели и причины преднамеренного вторжения, не имели идеологической подоплёки. Просто город Фариз был построен в степи, апологетом которого стали множество поколений смешенных кровей, ярких культур и вероисповеданий. Благодаря своему удачному расположению, через него про-

ходил всеми известный «Великий Шёлковый Путь»! Напротив, ханство Естая и его столица – город Шахар, находились на пустынной территории. Что естественным образом затрудняло его связь с внешним миром и в индивидуальном случае, пагубно влияло на периодичную караванную торговлю и развитие кочевой цивилизации. Хотя Шахар значительно и уступал Фаризу по уровню жизни – по образованию, инфраструктуре и остальным показателям. Несмотря на это, хан Естай обещал своему народу (данным целевым военным походом), повысить их благосостояние: как ему казалось, даруя клондайк с изобилием благ и рабов, с последующей самодостаточностью и обеспеченностью каждого преданного жителя и их будущих потомков.

Обе армии – как достойные друг другу по военной мощи противники, выдвинулись со своими поставленными перед собой задачами: отправившись на ожесточённый бой, из безопасных и укреплённых городов. Войско хана Муглука не уступало противнику в количественном отношении и, несмотря на оборонительное преимущество, решило выйти на открытое противостояние, желая защитить свои земли и его народ, за пределами обусловленных границ. В первом же ключевом бою хан Естай уверенно отбросил хана Муглука до ворот Фариза. Уже в последующие дни, тот неустанно осаждал его стены. Войска хана Муглука не ожидали такого натиска от кочевых племён, разорявших малые селения и убивавших мирных жителей на своём пути. Хан Естай уже проявил свою жестокость, вырезав всех пленённых воинов поголовно – вселяя страх на всех жителей Фариза. Павшие духом военачальники и советники хана Муглука, уговаривали его начать переговоры и отдать часть своих богатств, дабы снять осаду со своих стен. Правитель был совершенно подавлен и не знал, как в этой ситуации ему следует поступить. Он уже смирился с мыслью о поражении и желал лишь сократить потери со своей стороны.

В этот момент, стоявший часовым на городской стене молодой и непоколебимый воин Жаршары, заметил, что вражеская конница, и вообще всё войско хана Естая, пьёт ту же воду, что и они сами. Тогда его внезапно осенило. Он сразу же прибежал к военачальнику, поделиться своей идеей. Командир в свою очередь, услышав его план, отвёл солдата напрямик к хану Муглуку. Хан удивлённо спросил у военачальника:

– Кто этот юнец?

Тогда храбрый Жаршары, опередив волнующегося военачальника, сам ответил на заданный вопрос:

– Хан, моё происхождение будет вам совершенно не интересно. Скорее вас порадует идея, как отвести угрозу от наших стен.

– Продолжай! – ответил хан Муглук.

Тогда Жаршары с полной уверенностью промолвил:

– Высокохотимый хан Муглук! Все, включая и вас, обращают внимание на количество вражеских солдат и на их военную мощь. Но, откуда же берётся физическая сила? Заявил Жаршары, выдерживая некоторую паузу. Затем, поясняяще добавил:

– Она преобразовывается от мяса, что мы едим, и от воды, которую мы пьём. Ну и, конечно же, от периодического отдыха и сна. Как мы знаем, всё это у нас есть. Но из-за продолжительной осады, наших продовольственных запасов хватит (примерно) всего на пару месяцев. Следовательно, нам рано или поздно придётся сдаться, либо выйти на смертный бой. Но в этих двух случаях, мы, к сожалению, всё равно потерпим неизбежное поражение.

Хан Муглук спросил:

– Так что же ты тогда предлагаешь?

Жаршары ответил:

– Я предлагаю отравить всю нашу воду! Но перед этим, необходимо набрать в кувшины и в другие ёмкости столько воды, сколько сможем.

Тут же его перебил один из советников:

– Ты что, сумасшедший?! Мы и так, изнемогая, медленно погибаем от рук неприятеля: к великому несчастью, собственноручно вогнав себя в такое положение, как ослушники, навлекшие на себя гнев Аллаха! А ты вознамерился ещё быстрее ускорить нашу и того, тяжёлую участь?!

Хан оборвал речь своего советника и спросил:

– Чем это нам поможет? Ведь, если мы отравим всю нашу воду, мы разве сами рано или поздно не умрём от жажды?

Жаршары разъяснил исход такого решения – хладнокровно заявив:

– Я всё понимаю. Невзирая на всеобщее опасение, я без утайки отвечу вам, что по началу, всем нам будет невероятно тяжело. Однако если план удастся, мы сумеем не только снять осаду, но и переломить исход всего противостояния. Как вы знаете, мы берём воду из наших старых колодцев. А они связаны с каналами под землёй. За стенами хан Естай так же вырыл для своего войска временные колодцы, спокойно дожидаясь момента, пока мы сами им не откроем наши ворота. Следовательно, мы используем одну и ту же воду, для обеспечения людей и скота. Но надо поторопиться, ибо идея, которая пришла ко мне, рано или поздно может прийти в голову и ему.

Хан Муглук, немного подумав, спросил:

– То есть, ты считаешь, если мы отравим всю воду в колодцах, то она по каналам вытечет за стену, к войску хана Естай? Но ты не думаешь, что они определяют по вкусу, что вода отравлена?

Жаршары добавил:

– Я и это предусмотрел. Так как человеческий организм очень стоек ко многим растительным ядам, я предлагаю отравить не людей, а их лошадей. Ну, а кочевник без скакуна, словно птица без крыльев. Воспользуемся моментом внезапности! Они все пьют из этих колодцев, но разрушающее воздействие почувствуют лишь только их жеребцы, да и другой имеющийся у них скот. По соображениям безопасности, мы всё-таки наберём немного воды, а в остальную воду бросим табак и будем тщательно выжимать его вручную, чтобы весь никотиновый сок просочился по каналу прямиком к неприятелю. Что примечательно, из-за большего объёма воды, вкус его почти не изменится. Но эффект будет колоссальным. А в этот момент, наша кавалерия будет уже стоять у главных ворот и по вашей команде, ринется победоносной поступью на врага! Мы легко пробьём их строй, ведь без своей «двуглавой манёвренной силы», они не осият молниеносный смертельный натиск нашей летучей – тяжёлой конницы, вынудив надменного врага обратиться в бегство!

Воодушевлённый этой проницательной тактикой, хан Муглук воскликнул:

– Так и сделаем! Затем приказал через присутствовавших военачальников, помощников и администраторов, начать полуобессилевшим горожанам, набирать для себя и своей семьи воду. Ну, а изнурённым воинам, готовиться к предстоящей с их стороны неожиданной атаке.

После распределения указаний хан Муглук ещё некоторое мгновение пристально всматривался в молодого и амбициозного солдата. Отпустив всех людей, он повелел Жаршары остаться с ним наедине. Что тот, смиренно и сделал.

Хан спросил его:

– Ты всё-таки мне не ответил... Кто ты и как тебя зовут?

Жаршары грустно выдавил:

– Как я подметил ранее, великий хан, высшее общество не имеет интереса знать моё имя. Тем более, внезапно прознав, что я нищий сирота низкого происхождения: по многочисленным сплетням болтунов и смрадной молве праздных горожан. Но повинаясь вам, я отвечаю. Меня зовут Жаршары, и я житель могучего – возвращённого семенами ислама, великолепного города Фариз! По роду деятельности кузнец, а ныне солдат.

Услышав речь молодого воина, хан Муглук решительно встал со своего почётного места и, приблизившись к Жаршары (почти вплотную), приказал ему снять его затёртый шлем. Хан хотел разглядеть лицо того, кто прежде не смел с ним так своевольно голосить, да размашисто жестиковать, смотря уверенно в глаза. Пристально вглядываясь в очи повелителя, словно скрупулёзно читая сакральную душу, между измызганных от многочисленных помазок, жизненных строк, Жаршары с каждой обронённой фразой, все более внушал доверие и уважение вдумчивому собеседнику! Ибо его обычное окружение, так называемый – «высший свет общества», жалкие наследные помазанники, что только и знают, как лебезить да выпрашивать ответственные должности, предсказуемо проявляя небрежную халатность, слепую безграмотность и наглядную неорганизованность. Вследствие чего неоднократно, ожившими бусинками рассыпалась бессознательная цепочка оправданий, или же исторгались бестактные обиняки и напраслины на ответственных собраниях. Увидев решительный взгляд Жаршары, хан Муглук, положив свою руку ему на плечо, тихо промолвил:

– Идём со мной!

Выведя его на балкон к людям... Тот представил воина придворной челяди так, как он представился ему самому. В ответ, лицезря сдержанные эмоции народа, да и почувствовав их полное безразличие к незнакомой персоне, хан Муглук задумчиво начал потирать большим пальцем, наследный перстень-печатку – украшавший безымянный палец... Затем, выдержав некоторую паузу, он сожалеюще покачал головой, ну а после, тихо обратился к Жаршары, с проницательными словами:

– Здесь ты был абсолютно прав. Высшее общество – знать, старейшины и даже простой народ, не проявляют особого интереса, чтобы узнать кто ты. Внезапно, повернувшись лицом к людям, он во весь голос воскликнул:

– Но солдаты обязаны знать и принять того, кто будет их возглавлять!

Сказав это, хан снял с мизинца своё кольцо и, вложив его в ладонь Жаршары, воодушевлённо добавил:

– Да, ты не ослышался. Я ставлю тебя во главе конницы, которая завтра ринется в бой и принесёт нам победу!

Толпа тут же взорвалась в едином кличе, поддерживая криками и аплодисментами решение хана. Жаршары был удивлён... Изначально он искренне обрадовался. Однако, тут же умирил свой пыл, почтённо обратившись к своему повелителю:

– Благодарю вас хан Муглук, за такую несказанную щедрость и неожиданно оказанную честь, своему скромному рабу! Обещаю сражаться как лев и завоевать вам победу, даже ценой собственной жизни. Вот только изнутри, меня сильно гложут некоторые аспекты ближайшего будущего, превращающиеся в горы вопросов из тысяч нюансных песчинок. Во-первых, как вы поступите с этой победой: отправитесь ли вы военным походом на земли побеждённых врагов – убивая всех сопротивляющихся жителей и мародёрствуя. Или же оставите всё как есть, довольствуясь тем, что имеете?

Хан, наискось посмотрев на неуёмно-требовательного Жаршары, ответил:

– Твой вопрос очень дальновиден и верен. Я тебе отвечу так... На всё воля Аллаха! Мы не вправе, загадывать заранее свою судьбу. Ибо мой – ныне покойный, многоуважаемый наставник, часто с сарказмом произносил «если хочешь рассмешить Всевышнего Творца небес и земли, тогда Расскажи ему о своих шероховатых планах на господство!» Поэтому людям дозволено, лишь предполагать возможный ход событий, однако пазл витиеватой жизни, выстраивается лишь промыслом Божиим!

Для начала же нам надо отбить врагов, осадивших город. А что будет дальше, не знает никто. Но если мы одолеем противника, позволю себе немного забежать вперёд... Деликатно приостановив мысль, хан Муглук ушёл обратно в помещение и также повелел отойти от балкона Жаршары – перед этим доброжелательно помахав напоследок своим жителям. Затем,

комфортно усевшись обратно на величественный трон, падишах продолжил свой прерванный монолог:

– Я предпочту предречь будущее, таким вот Жаршары образом: если же я пойду дальше карательным походом на обидчика, то меня наверняка ждёт слава, почёт и уважение потомков, как спасителя и освободителя в одном лице, и как тирана-завоевателя притеснённых, в другом. Вдовы и матери с обеих сторон, вечно будут проклинять меня! Мне придётся сделать сей тяжёлый выбор, под натиском советников и военачальников. Но это только моя доля... Этот камень в душе, я не посмею переложить на плечи другого человека, покуда жив. А сейчас ступай, не теряй искренность помыслов и будь примером для людей! Теперь и тебе, также придётся нести тяжёлое бремя – думая о каждом солдате, находящемся под твоим началом. Тщательно подготовься... Воины хана Естая, даже будучи без коней, будут довольно опасны.

Обуреваемый контрастными чувствами, по натуре сдержанный Жаршары, положила руку на сердце, молча поклонился... И лишь перед самым уходом – в последний раз, бросив на повелителя скоротечный взгляд, задумчиво удалился из тронного зала.

Рано утром, полностью экипированная боевая конница, во главе с новоиспечённым командиром Жаршары и несколькими отрядами пехотинцев, стояли у главных ворот. С первыми лучами солнца – врата осаждённого города, со скрежетом отворились, судьбоносно раскрыв неприступный шлюз, перед полчищем кровожадных орд... Когда по сигналу военачальника, заведённая кавалерия хана Муглука тут же бросилась на врага, войско хана Естая отреагировало на этот манёвр очень отлаженно и поистине, молниеносно. Мгновенно вскочив на своих коней, они разъярённо ринулись навстречу... Тяжёлая кавалерия противоборствующих сторон, мчалась друг на друга безудержным галопом, сливаясь в многоголосном боевом кличе. Где авангарды сокрушительной волны, состоящих в основном из лёгкой кавалерии (совокупных войск), доблестно надвигались в лобовую атаку: спадающей завесой, поднимая лишь жёлтую пыль за собой и одновременно, наращивая свой боевой дух, под опьяняюще-ритмичное цоканье гремящих копыт! Вдруг, совершенно неожиданно (для сосредоточенных на своей цели воинов), резвые скакуны хана Естая начали падать замертво, как спелые весенние яблоки с провисающих веток – сбрасывая своих опытных наездников на землю, почти перед самым столкновением. А войско хана Муглука, во главе с Жаршары, видя их обескураженность и неожиданное замешательство, тут же пробilo их расшатанный строй. Пехота схлестнулась в ближнем бою, а конница начала окружать вражескую армию, беспощадно срезая их выпячиваемые углы. Хан Естай, предчувствуя приближающийся печальный исход, да заметив, как быстро редет его строй, повелел солдатам встать в плотное боевое кольцо – смыкая круглые щиты. Боевая пехота хана Муглука отступила немного назад, позволив лучникам уже уверенно взять на прицел всё войско хана Естая. Когда же Жаршары увидел вновь открывающиеся массивные ворота города, он приказал возбуждённым войскам прекратить жестокую агрессию и интенсивную давку сломленного противника. Дабы повелитель, самолично решил судьбу побеждённого врага.

Лицезревший ход всего сражения, с высоких стен – словно прицелившийся хищник, столь внимательно наблюдавший за кровавым полотном разгоревшийся баталии. Опытный главнокомандующий, заранее оценив предпосылки уверенной победы военачальника Жаршары, широко улыбнулся, а после спешно начал спускаться вниз. Предчувствуя скорое завершение битвы в свою пользу и не желая более отсиживаться в укрытии, падишах повелел седлать ему, его коня. Дабы впоследствии не прослыть жизнелюбивым трусом, скрывающимся за высокими стенами. Как проницательный стратег, участвовавший не в одном сражении, он решил своевременно влиться в бурлящий антураж ярких и жестоких красок: акцентировав внимание на собственной персоне при кровавой мизансцене ключевых его представителей. После того, как хан Муглук со своей свитой, интригуяюще вышел к побеждённому хану Естаю, тот уверенно поскакал навстречу к врагу, где приказал недобитым его остаткам, немедленно

сложить (уже бесполезное для них) оружие. Опасаясь за жизнь собственных солдат, хан Естай всё-таки отдал злосчастную команду:

– Бросайте...

Подавив сопротивление деморализованных солдат, хан Муглук слез со своего коня и пошёл прямо к вражескому войску. Выйдя из строя, хан Естай двинулся навстречу... Встретившись с ним лицом к лицу, хан Муглук первым вставил слово:

– Посмотри, чего ты добился, выдвинувшись на нас! Как ты наглядно убедился, побеждает не грубая сила, а трезвый, и готовый к неординарному мышлению, ум. Ты желал поставить нас на колени. Что ж, это тебе почти удалось... Только по воле Аллаха, сегодняшний день остался за нами!

Хан Естай, аккуратно ответил ему:

– Да, это твой победоносный день! Ты всего лишь несколькими грамотными ходами, поставил мне безоговорочный мат!..

Хан Муглук, тут же перебил его:

– Не стоит передо мной лебезить!.. Такое действие, не следовало бы совершать хану, перед своим же войском!

Хан Естай, отчаянно выдал из себя:

– Возможно, но моя честь сейчас ничто... Если на кон, поставлены жизни вверенных мне людей. Сейчас я чувствую дыхание каждого воина, стоящего за спиной. И я бы не хотел, обернувшись – увидеть, как погибают остатки моего доблестного войска, ради моих несбыточных амбиций!

– Ты ранее спросил, какие цели мною двигали? Что ж, я поведаю тебе... Мой народ живёт в тяжёлых условиях. Нам не то, что еда... Вода тяжело достаётся!.. Мы ежедневно молим небеса, чтобы засуха не пришла в наши и без того, засушливые земли. Быть может, в твоих глазах, мы кажемся дикими и необузданными. Да, я не отрицаю... Нашим – в подавляющем большинстве, безграмотным племенам и народам, в значительной степени не хватает того объёма знаний, которые хранят ваши учёные мужи, в своих библиотеках. Одежда на нас броская. Так как торговые караваны не рискуют идти через пустыню, чтобы просто торговать на взаимовыгодных условиях. Любой чужеземец, в наших краях – редкое явление. Ведь, что подвигнет путника нагрянуть сюда, разве что банальная случайность? Являясь избранником народа, я всего лишь желал подарить своим людям более благоустроенную жизнь, которую по своему статусу я вменил себе в обязанность! Прошу тебя Хан Муглук, отпусти моих воинов к своим жёнам и детям, а меня можешь четвертовать. Если ты позволишь уйти оставшимся солдатам, я обещаю тебе, чтобы мы больше не придём на твои земли, обнажив свои мечи...

Один из вспыльчивых советников хана Муглука, высокомерно перебил хана Естая, громким голосом выкрикнув:

– Хан, не стоит ему верить!.. Если мы сейчас отпустим этих людей, а его обезглавим, то после всего того, что с ними сегодня произошло, они затаят на вас неизгладимую обиду. Эти люди легко выберут себе нового предводителя и затем вернуться к нам, чтобы мстить за сегодняшнее поражение!.. Не успеете оглянуться, как данные шакалы вновь окажутся у наших ворот. Посмотрите же на них... Это жалкие неверные свиньи!.. Разве им можно доверять? Давайте лучше перебьём их всех. А позже, захватим их незащищённые земли... Таким образом, значительно расширив наши владения!

Резким поворотом головы, хан Муглук бросил гневный взгляд на этого советника. Из-за чего тот мгновенно стушевался, прикусив свой длинный язык. Но тут же поменявшись в лице, вновь обратил свой взор на хана Естая, вставив свои «пять копеек» в вышеизложенный послыл:

– Хотя мой советник и не может в напряжённый момент держать язык за зубами... В его колких выпадах есть смысл, витающий в головах многих... Поэтому, как ты аргументируешь его доводы?

Сказав это, он пристально смотрел на оппонента, как бы вынуждая его выдать в ответ, хоть какое-нибудь заявление, за счёт которого можно будет принять наилучшее для себя решение. Однако, резко поникший хан Естай, лишь удручённо опустил свой усталый взор, ибо ничего не смог предложить взамен, дабы сохранить жизнь своим людям. Тогда Хан Муглук немного растерялся, потому что не знал, как ему поступить. На данный момент, его решающее слово должно было окончательно решить судьбу многих присутствовавших людей. С одной стороны, стеной теснила озлобленная экспрессия его народа, потерявшее многих славных воинов. С иного ракурса – изнутри, пульсировала обжигающе-стенающая совесть, что отчаянно напомнила вершителю сегодняшних судеб, о страхе разгневать Аллаха: при затмевающей сознание, сиюминутной вендетте. Заставляя сожалеть лишь о том, что не пощадил безоружных людей, не проявив к ним праведного и великодушного милосердия! Эдакая тяжёлая дилемма, давящая на плечи богобоязненному рабу...

В такой не простой ситуации, заметив бегающие по разным сторонам глаза своего хана – издали наблюдавший за происходящим Жаршары, обратился к повелителю:

– Хан, можно вас отвлечь на секунду... Мне нужно передать вам очень важное сообщение. Воспользовавшись временной стагнацией, хан Муглук подозвал Жаршары к себе... Тот слез с коня и подойдя вплотную, начал ему шептать что-то на ухо. Интрига накалялась... Порою даже казалось, что можно было ножом полоснуть наэлектризованный воздух. Завершив изложение, Жаршары, пятясь отошёл от хана, и тут же сел обратно на своего коня. После некоторой паузы хан Муглук начал уверенно молвить – громко заявив перед всеми присутствующими:

– Что ж хан Естай, я принял решение. Внимательно выслушай то, что я скажу... А затем, дай мне взвешенный и окончательный ответ!

– Насколько я осведомлён, у тебя есть два отпрыска... Это так?

Тот ответил положительно, дополнив утвердительный кивок, словами:

– У меня есть семнадцатилетняя дочь и трёхлетний сын.

Хан Муглук продолжил:

– А у меня, к сожалению, нет своего потомства. Я бы очень хотел иметь взрослого сына, чтобы при таких военных случаях мы могли регулировать конфликты, путём бракосочетания наших детей. Это бы помогло искоренить месть и ненависть, между нами, на столько, на сколько это может быть возможным. К счастью для нас, данную мысль можно развить, не дав идеи зачахнуть в зародыше. Так вот, я предлагаю немного иное решение. Если же ты против моей инициативы, можешь сразу же отказаться от неё. Однако если ты всё же обдумываешь предполагаемый вариант, то я предлагаю тебе в качестве жениха, самого правителя города Фариз – на основании этого, заключив мир между нашими народами! Это не только поможет нам остановить дальнейшее кровопролитие, но и позволит образовать крепкий мост, который свяжет две великие культуры. В последующем мои лучшие учителя отправятся в твои земли и будут обучать твоих людей современным наукам. Также, в дополнение к будущему союзу, я обязуюсь отправлять в вашу столицу, свои караваны. Чтобы эффективнее развивать торговлю между нашими купцами и продавцами. Взамен, твои храбрые и сильные воины, будут учить моих людей тонкостям военного искусства и верховой езды, так как они наглядно показали своё высочайшее умение в этом ремесле. Протянутая тёплая рука, всё же лучше холодного и острого пера. Не так ли? Думаю, впредь нам не стоит рвать друг другу глотки, за мнимое желание господства и временного благоденствия. На данный момент, решать остаётся тебе, ибо я кардинальным образом изложил свою позицию.

Перед долгожданным ответом, вначале хан Естай посмотрел на своих воодушевлённых воинов, а затем, быстренько посоветовавшись со своими приближёнными, заявил:

– Да будет так, о мудрейший хан!.. Это справедливое и верное решение!

Хан Муглук воскликнул:

– Сегодня знаменательный день, о хан Естай! Мои люди немедленно начнут составлять договор о наших грядущих мирных взаимоотношениях и в ближайшие дни, полагаю, мы подпишем составленное соглашение. А сейчас хан Естай, приглашаю вас и ваших воинов, в город Фариз, как наших самых почётных гостей! Давайте же отпразднуем наше перемирие... Ну а через несколько дней поедem в Шахар, дабы там – через будущее бракосочетание, заключить наш крепкий и надеюсь, долгий союз!

Тем же вечером, хан организовал пышное празднование. В разгаре пира повелитель позвал к себе Жаршары и отвёл его в укромное местечко. Оставшись с ним глазу на глаз, хан тихо промолвил:

– Благодарю тебя сынок. Твой сообразительный и проницательный ум, помог мне принять правильное решение – в тяжёлый для нас момент. Ты предотвратил долгосрочную войну между враждующими народами, хотя бы на какое-то время. В ближайшие дни, после подписания союза, я отправлюсь с ханом Естаем и небольшой группой сопровождающих, в город Шахар. Мы для начала проложим путь через Тифлис, по владениям Георгия VIII, а дальше, через Каспийское море – на кораблях, приплывём в ханство Естая. Оказавшись на другом берегу, там уже рукою подать до её столицы. Однако туда, всё равно путь не близкий. Поэтому, меня не будет довольно долго. Для чего я всё это тебе говорю? Причина в том, что после моего отъезда, варвары и вандалы, прознав о моём отсутствии, не упустят момент, для того чтобы хищно урвать беззащитный кусок земли из наших приграничных пунктов, где находятся отдаленнейшие селения. А также те, кто безжалостно нападает на караваны (идущие так далеко за кордон), непременно захотят пожить на купцах и торговцах, передвигающихся по нашей территории. Опять-таки я уже обещал защищать всех подданных и путников, под моей мандатной юрисдикцией – заверив, что буду поддерживать внутреннюю и внешнюю торговлю. Вначале я хотел оставить тебя во главе города, опираясь на твой внезапно воссиявший талант. Но, старейшины Фариза, неблагоприятно восприняли данное предложение – прожужжав все уши, что ты юн, и не имеешь никакого опыта в руководстве над людьми. И вообще я заметил, что после твоей инициативы: когда ты своевременно помог с решением по хану Естаю, все начали тебя сильно недолюбливать. Я бы мог на них махнуть рукой и независимо от их мнений, оставить тебя вместо себя. Но я искренне обеспокоен тем, что они воспримут это, как моё особое отношение к тебе. Тем самым, возненавидев твою особу ещё больше. Я такое не раз уже видел, в свои юные годы. Властолюбивые старцы своими ядовитыми речами будут пытаться вскрыть твои пороки и недостатки, сгущая вокруг тебя чёрную ауру, покрытую негативным посылом. Таким образом, они попросту настроят народ против тебя. Где рано или поздно, устранят... В момент омрачающихся красок, Жаршары удивлённо спросил:

– За что?

Хан Муглук, положив руку на плечо Жаршары, ответил:

– Всё из-за наследника. Видишь, я уже немолод... Детей у меня, к сожалению, нет... Да наверно, уже и не будет. Свадьба, сам понимаешь... Лишь повод для поддержания мира. Все те, кто вознамерился после моей кончины оказаться на троне, видят в тебе потенциального соперника. Это одна из причин их недовольства. Немного подумав, я всё же пришёл к одному решению. Высокое звание, в конечном счёте, ничего не даст. А вот любовь народа, может на многое повлиять. Плюс, ты будешь подальше от шакалов, грызущихся между собой из-за власти, во внутриполитических интригах.

После моего скорого отбытия ты – Жаршары, возьмёшь с собой вверенных тебе людей и отправишься охранять наши земли, и его границы. Я приказываю тебе выслеживать и уничтожать всех преступивших закон разбойников, проживающих на приграничных землях, а также внутри страны. Найди и истреби эти отребья, что неустанно бесчинствуют, и неизменно лишает покоя моих подданных, да странствующих иноземцев! Хладнокровно вырывай ржавые звенья сей круговой поруки, убивая каждого из мародёрствующих душегубов и их, злосчастно-фор-

мирующихся отроков, что когда-либо смогут взять в руки (против нас) оружие. Благодаря такому благородному поступку – с каждой твоей победой в бою, несомненно, ты обретёшь весомый авторитет, что будет тебе славной характеристикой не только при дворе, но и в глазах нашего народа... А за кем народ, за тем и зиждиться неоспоримая власть! Вот почему, я до сих пор не был свергнут! – улыбаясь, да хлопая по спине Жаршары, ответил хан.

Жаршары молча выслушал своего повелителя, а затем промолвил:

– Воля ваша хан... Перед тем, как я уйду, позвольте вам искренне сказать, большое спасибо, за должное и непредвзятое отношение ко мне! Вы меня и так облагодетельствовали многим: просто даровав своему ничтожному рабу, долгожданное внимание. Постараюсь не очернить вашу веру в меня! Извольте же, незамедлительно исполнять приказ?

Хан Муглук, прерывал юнца – немного остудив того пыл, промолвив:

– Постой же, не торопись с заданием... Присоединяйся к общему веселью. А завтра, начнёшь подготовку к походу. Верю, ты не подведёшь!..

На следующие утро, после того как хан Муглук и его гости отправились в запланированный путь, Жаршары собрал верных ему солдат и тоже усакал вдаль. Когда через четыре месяца в городе Шахар, проходили свадьба и пышное празднование договорного союза. Амбициозный Жаршары в это же самое время проводил дневные и ночные битвы с ордами варваров, которые умудрялись тайно и явно пересекать охраняемую им границу. Он многократно бился с разбойниками у себя под боком, не позволяя им безнаказанно зверствовать – освободив жителей отдалённых от столицы земель, от их злосчастных вымогателей. Как опытный разведчик, он грамотно и очень своевременно добывал необходимые секретные информации, о намечавшихся захватах и грабежах: выпытывая у пленённых им бандитов, сведения о местонахождениях их тайных стоянок, а также о дальнейших коварных планах. Несмотря на то, что в основном такие падшие личности были стервятниками, бьющими исподтишка. В частности, многие из пленённых супостатов, выбирали смерть, нежели выдать блюстителям, интересующие их данные. Оно было и понятно... Ведь в этих местах, бандиты жили целыми семьями. Но терпеливый Жаршары, не отчаивался. Он был способен тактично выжидать, ибо подсознательно предчувствовал свою скорую победу над проворным и неуловимым шайтаном, в образе огрызающихся иродов. Стремясь своевременно вырезать злосчастный гнойник, на заражённом и увядающем теле, молодой командующий неустанно кочевал с места на место – как истинный «номад». Его разведывательные группы отчаянно искали по всей равнине, постоянно вспыхивавшие очаги вандализма, которые могли привести освободителей простого люда, в самый эпицентр гнусного логова. Однако эта – мгновенно обрывавшаяся, да часто сокрытая от глаз непосвящённых нить, то и дело, ускользала прямо из его рук. Наконец-то, в один прекрасный день, ему очень крупно повезло. В очередном набеге отщепенцев на торговый караван и в последовавшей оборонительной битве, в плену у Жаршары оказались совсем юные и неокрепшие пленники. Они легко раскололись под страхом смерти, выложив всю необходимую подноготную, освободителям долин...

Через пару дней Жаршары и его войны оказались в пункте ключевого назначения. Тут же рассредоточив по периметру – тщательно охраняемой и законспирированной стоянки, бдительную стражу, Жаршары взял с собой двоих лучших солдат и отправился на разведку. В тылу врага тот незаметно разузнал для себя особенности оборонной линии и, о примерном количестве имевшихся в наличии противника, боеспособных единиц. После, они также быстро и тихо скрылись, вернувшись обратно в лагерь: почти с целью сложившейся картиной, в перегруженных нюансами и загвоздками головах. В этот же вечер, ещё раз всё предельно ясно сопоставив, Жаршары начал скрупулёзно придумывать план внезапного нападения. Так как это был непростой вражеский лагерь. В самопроизвольном, да уже автономно-обжитом поселении – в стане обычной своры грабителей, обитавших в этих краях, не военных людей было предостаточно...

Изначально, радикально настроенный Жаршары, вознамеривался уничтожить сгнившие побеги притеснительной несправедливости, как яростный апологет обескровленного паства: словно «грифон Немезиды, с Дамокловым мечом в зубах, рубящий Гордиев узел безнаказанного акта угнетения» – стоя на страже справедливости и мира. Он желал поскорее покончить с блудным лоном смрадной консистенции, ища изъяны во внешне незыблемой конструкции, павшего строя. Дабы не просто выиграть локальное сражение, оттеснив врага за пределы территории. А истребить гибридные наросты, проказой вылезшие на ослабленном организме, из-за нескончаемых междоусобиц. Однако, увидев множество ни в чём не повинных рабов, временно опешил. В конечном счёте тот решил действовать аккуратней (с наименьшим количеством жертв). Воочию увидев и осознав, что местные разбойники успешно объединились с несколькими племенами варваров, пришедших сюда с севера, молодой военачальник кардинально изменил первоначальный план. Ибо если бы Жаршары вышел с имеющейся не многочисленной группой на бой лицом к лицу, то из-за численного превосходства врага, точно бы потерпел неудачу. Поэтому, ему пришлось ещё пару раз, но уже самостоятельно, отправиться в логово врага, крайне рискуя разоблачить себя, неустанно выискивая их слабые места. Вскоре, его разведка увенчалась успехом. Он заметил, что бандиты и всякая падаль, жившая тут, после очередной своей удачной вылазки, широко праздновало свой грабёж, безбожно напиваясь изъятим у торговцев вином. После, сродни диким животным, сношаясь, где ни попадя, друг с другом. А также, на потеху народу, издеваясь над пленёнными странниками. Скабрезное существование, всегда имеет унижительный итог. Наблюдая за происходящим, в непосредственной близости – под боком опьянённых своей безнаказанностью бандитов, Жаршары воочию лицезрел, как человек падает на самое дно послушания, добровольно избрав мимолётное грешное существование, на этой бренной земле.

Тут были захваченные женщины-рабыни и их дети, которые появились на свет от постоянных порочных связей. Такие выродки, с самого рождения вдыхали зловонье несправедливой жизни: с малых лет, имея на своих глазах толстую корку копоти и пыли, введу разворачивающихся неизгладимых аморальных поступков. Их с детства учили убивать – вшивая в неокрепшее сознание, беспричинную жестокость ко всем, кто был не похож на них... Опять же при прививании неоправданного насилия, в оккультно-сформировавшейся черной мессе бесконечного круговорота греха. Сатрапы изуверств, без зазрения совести, вырабатывали низменные и порочные качества у следующего поколения. Введу чего, Жаршары обязан был действовать незамедлительно, дабы искоренить сие насилие в зачатке.

Тяжело воспринимая кадры безбожного послушания, Жаршары сразу же вспомнил, как пару дней назад, целенаправленно пленил и казнил таких же юнцов. Теперь же, полноценно осмыслив их плачевную судьбу и внемля, безальтернативные предпосылки заложников искажённой системы. В его сердце – на шлейфе биполярной субъективности и латентного темперамента, что-то обрываясь, рефлекторно ёкнуло: эхом вернувшись обратно, будто некая фантомная боль, от не выветренных прошлых переживаний. Только теперь Жаршары осознал, как бы сложилась его судьба, если бы он проявил слабинку хоть в одном своём поступке при формировании зыбкой личности. И коль беззаботно шагал бы над пропастью, где до него, пропало множество неподготовленных душ. Озлобленный на эдакую систему, вопреки сему обретая стимул на победу, Жаршары вдохновился на отличную идею. Вернувшись к своим людям, он начал тщательно разъяснять верным солдатам, доскональный план сокрушительного штурма – хлестко начав мотивирующую речь, воодушевляющими эпитетами:

– Мои славные войны! Братья... Мы долгие месяцы неустанно сражались, дабы наши семьи могли мирно жить и поживать, не опасаясь внезапного нападения. Десятки лет мы терпели набег на приграничные земли и кочующие под нашим протекторатом торговые караваны. Происки внешних и внутренних врагов, пагубно воздействовали на всеобщее благополучие —словно саранча, уничтожая плодородные поля и убивая местное население. Часто,

не долечив свежие раны, мы опять рвались в бой... Но знайте, скоро мы поставим жирную точку во всей компании! Как только враги снова вернутся, войдя со всем награбленным в лагерь, больше уже никто из них, не уйдёт отсюда живым! На данный час, в нашем стане, около пяти ста человек. К сожалению, совокупных сил противника, в четыре раза больше. Но вам не стоит страшиться численного превосходства врага. Ведь в нынешний момент, мы владеем преимуществом: за нами внезапность и сокрушительность удара. А самое главное, с нами Всевышний Аллах! Итак, слушайте же внимательно...

Сейчас, согласно плану, мы разделимся на две группы. Благодаря комплексной разведке я разузнал, что этой ночью, вооружённой будет лишь стража, по периметру деревянного укрепления. Как только варвары и разбойники, завершат свой очередной пир. Я и несколько воинов, незаметно нападём на беспечную стражу и малочисленный патруль. Затем, уберём солдат, охраняющих всё их военное снаряжение. После занятия позиций наш отряд – в количестве ста человек, вооружившись луком и стрелами, встанет плотной стеною прямо перед лицом противника, тем самым закрыв путь к их основному арсеналу при предполагаемом хаотично-паническом отходе врага. Все оставшиеся не задействованные воины, временно затаятся перед лагерем. Где сразу же по сигналу выпущенной горячей стрелы, пойдут в ожесточённую и беспощадную лобовую атаку, создавая вокруг себя беспорядочный шум. Их основной задачей будет, оттеснение обескураженной толпы – заставив всю шайку полусонных противников, отступить на якобы удобные для них позиции. Как только эта орда, рассеянно хлынет в нашу сторону, мы – как неожиданная засада, встретим их залпом из разящих стрел, нанося густым вредителям, огромные потери. Далее, цель передовой группы, побыстрее прорубить путь к диверсионному отряду, добивая всех безоружных врагов. Таким образом, мы раздавим этих крыс с двух сторон, окончательно освободив наши беспокойные просторы!

Услышав продуманный до мелочей план, воодушевлённые солдаты Жаршары, начали дружно поддерживать своего военачальника, довольно стуча дугообразными саблями о щит. Но он тут же, охладил их пыл, добавив:

О мои верные храбрецы, поистине – вы, любимые сыновья нашей Родины. Я бы, не мешкая ни секунды, отдал бы жизнь за любого из вас. Однако не стоит кичиться, летя к ветхому успеху, опережая неизбежный фатум и празднуя, ещё несостоявшуюся победу!.. Нам всё же предстоит нелёгкая битва. Некоторые из нас, к сожалению, не встретят рассвета нового дня. Но, даже будучи в самом пекле противостояния – у порога предначертанной смерти, помните, вы все сражаетесь за безопасность наших домов, а также за благо всего населения Фариза! Сражайтесь, как львы и покажите этим безбожникам, кто полноправный хозяин этой области и воистину, наместник вверенной Отчизны! Помогите мне осуществить мечту нашего народа, о безоблачном и спокойном существовании. Тогда я обещаю вам, что история, увековечит ваши имена! Слагаемые былины и будоражащие воображения, невероятные легенды о героических подвигах, несомненно, отразятся перманентным блеском, отдавая дань уважения при всеобщей-почитаемой вечной славе, которая не потускнеет и не затеряется банальной вспышкой в предопределённой вечности! А тешащие самолюбие, хвалебные оды и громогласные элегии: красноречиво описывающие эпизоды неукротимой доблести, спустя десятилетия, продолжают сиять золотыми буквами в памяти людей, а также на страницах витиеватой исторической летописи. Поскольку великолепные сюжеты вашей жертвенности и самоотдачи, продолжают цепочкою передаваться через уста великих поэтов и писцов, нашим – ещё не рождённым потомкам! Присягните мне ещё раз..., и я даю вам слово, что это последняя предстоящая битва, перед долгожданным возвращением домой!..

После того, как изрядно налакавшиеся люди, ничего не подозревая, легли спать. Тактический план, тут же начали претворять в действие. Молниеносный штурм, отличившийся своей внезапностью, был исполнен превосходно. Спустя некоторое время, бой успешно завершился. Окровавленные трупы варваров и бандитов, лежали повсюду, навсегда изувеченные

жерновом каверзного бытия при апогее собственной – искажённо-вменённой концепции отложенного воздаяния. Многие нашли свой печальный конец, от холодных клинков воинов Жаршары, распластавшись с застывшей гримасой ужаса на лицах. Нахлынувший животный страх, с сей неминуемо-карающей и выдёргивающей из искорёженного века, безотлагательно-зверской погibelью, заставил паникующую орду бунтарей, бежать в заранее законсервированный капкан. Были перебиты все враги, пытавшиеся оказать хоть какое-либо сопротивление в этой, постепенно затихающей суматохе – сцедив бесценную душу, насаженную на острые пики вендиты.

Когда Жаршары (по окончании военного манёвра), стал медленно прохаживаться по территории уже захваченного лагеря, ему на глаза попался один мальчик, которому навскидку было примерно четыре года. Он бесстрашно отгонял воинов Жаршары, держа в руке местечковый кинжал, безутешно возвышаясь над телом убитой женщины, видимо его покойной матери. Не проронив ни слезинки, тот был готов защищаться до самой смерти: огрызаясь и отмахиваясь от взрослых мужиков, выражая своё презрение к интервентам, введу травмирующей и трагично-деморализующей участи. Пристально вглядываясь в этого ребёнка, Жаршары спокойно подошёл к нему, отнюдь не решаясь – по-живодёрски, оборвать совсем ещё юную и безвинную жизнь. Он опустился на одно колено и хладнокровно попросил его отдать опасный предмет. Тот, мотая головой, напротив начал сжимать рукоятку всё крепче, обеими руками. Тогда Жаршары, добродушно отвлекая внимание, внезапно вырвал из его рук холодное оружие, а потом крепко приобнял... Экспрессивный мальчик, очень сумбурно и надрывисто голоса на непонятном языке – будучи обуреваемый безудержными порывами истерики, стал елозить, брыкаться и колотить мускулистого Жаршары, желая вырваться из его крепких объятий. Однако вскоре затих, утонув в успокоительно-тёплых чувственных флюидах, сурового незнакомца. В этот трогательный момент он на мгновение вспомнил о своей любимой матери. А из глаз волевого командира, невольно выдавились, лепестки набухших слёз – оставив на его щеках, следы иссыхающих бороздок. Тяжело вздохнув, Жаршары встал с колена и вытер глаза. Затем, приказал связать оставшихся врагов, да собрать всё награбленное ими, в одну кучу...

Неимоверно радостно ликовали освобождённые рабы, выражая безмерно-искреннюю благодарность, своим долгожданным спасителям. От чего данный разношёрстный контингент, также вознамерился сплочённо исполнять приказы Жаршары, тем самым проявляя смиренную лояльность и свою искреннюю покорность: не дожидаясь просьбы, или прямого наказа – просто по-человечески, возжелав отплатить освободителю, эдакой несоразмерно-малой, но поистине единственно-имеющейся, жертвенно-благоразумной и этически-солидарной ценой, демонстрирую непоказной жест доброй воли!

На следующий день, Жаршары приказал своим воинам и освобождённым пленникам, собираться в обратный путь... Они нагрузили имущества на угнанных самими же бандитами верблюдов, и вышли в дорогу, словно движущийся торговый караван. Усадив того самого мальчишку прямо перед собою на коня, Жаршары наконец-то возвращался домой с долгожданной победой! Правоверный народ, наслышанный о славных подвигах отряда Жаршары, уже с нетерпением ждал своих героев, возвращавшихся в Фариз, после их почти двухлетней отлучки. По прибытию, Жаршары в первую очередь закрыл пленных в темницы, а треть собранных богатств, отдал в городскую казну – после распределения трофеев между воинами. Затем, распустив всех своих верных солдат к их заждавшимся семьям, отправился во дворец к хану Муглуку, чтобы предоставить полный отчёт по каждому совершённому им действию. Жаршары решительно шёл по дворцовому коридору, напрямик на аудиенцию к хану, взяв за руку мальчика (которого не решился убить, ни заключить в темницу, вместе с остальными варварами и разбойниками, терроризировавшими округу).

Там его уже ждал хан и вся его свита. Когда Жаршары стал рассказывать обо всём произошедшем, хан Муглук перебив его, серьёзно спросил:

– Жаршары, кто этот мальчик рядом с тобой?

На что он ответил:

– Этот мальчик является жертвой неправильного воспитания и результатом дурного подражания. Он один из отпрысков тех, с кем мы вели свои ожесточённые сражения!..

Тут один из старейшин выкрикнул:

– Зачем ты его привёл сюда?! Почему, сразу же не убил его на месте? Расправься с ним немедленно!

Жаршары сердитым голосом возразил:

– Нет, я не сделаю этого!

Тогда старец стал напирать на Жаршары, сказав:

– Кем ты возомнил себя, безродный юнец, чтобы перечить нам – старейшинам? Но что ещё важнее, ты осмелился не выполнить приказ своего Хана? Посмотрите, как этот ублюдок опьянел от своей славы! Он желает перечить нашему мнению!

Тут же после его слов, весь зал загудел. Все начали оскорблять и унижать Жаршары, напрочь позабыв его недавние успехи. Хан же, спокойно сидел и молча раздумывал... Затем, резко встал со своего трона – как бы напомним присутствовавшим, о своём главенстве и несомненной вовлечённости в происходящее. В эту секунду, шум возбуждённого многоголосья, мгновенно затих...

А хан Муглук, спокойно промолвил:

– Жаршары, ты ослушался моего приказа? Почему? Завтра на рассвете мы казним всех тех, кого ты пленил – в отместку, за многочисленно-творимые ими злодеяния. Однако, по какой такой особой причине, этот ребёнок не среди них? Зачем же сей безрассудный и противоречивый апологет, ты вдруг надумал нам продемонстрировать? Ведь ты сам сказал нам, что этот мальчик является их плотью и кровью. Я же, дал тебе всё... Но вижу, что сегодня, ты решил не присягать мне на верность? Что в нём такого особенного? Скажи... И вообще, почему ты так отчаянно его защищаешь? Не стоит принимать моё великодушие за слабость. Прикончи этого мальчика немедленно, или же это сделает моя стража, но уже вместе с тобой!..

Тогда Жаршары, нехотя вынул из ножен острую саблю и занёс её над головой мальчика. Тот, в свою очередь, не проронив ни слова, лишь пристально всматривался в чёрные как ночь очи (без пяти минут палача), преисполненные совестных сомнений. Глубоко внутри, разгорелся эфемерный конфликт, сопровождавшийся порицающими пульсациями в области висков. А внешне – когнитивный диссонанс, мгновенно иссушил глотку, пробив холодный пот и вызвав безудержный тремор предплечья. В положении, котором оказался Жаршары, не было другого варианта. Да и по милости Всевышнего, увы, судьба всё не отворяла спасительных ворот человеку, загнанному в угол! Из такой, безнадежно-сложившейся ситуации – в образовавшейся паузе принимаемого решения, мальчик внезапно для всех подбежал к Жаршары, и крепко обнял его за левую ногу. Через несколько мгновений он, также молча её отпустил. Данным действием, как бы принимая любой выбор, стоящий перед Жаршары, безо всякого страха и упрёка – смиренно устремив в пол, свой осознанно-поникий взгляд. Немного отойдя назад, невинный отрок стал мужественно дожидаться неизбежной участи, очень усиленно смыкая веки и (неестественно) активно дыша...

В этот момент, Жаршары невольно ощутил неприязнь к самому себе. Ибо всё ещё свежи были в памяти воспоминания о том, как он не так уж давно – самолично, искренне и тепло обнимал этого осиротевшего мальчика. В эту действительно тяжёлую минуту, Жаршары сильно стушевался перед присутствующими людьми. Из-за чего, от волнения, долго мешкал перед своим решающим замахом. Под давлением оглашённого приговора, а также перед лицом (навидавшегося) высокомерного общества, что упивалась своевольностью и безграничностью власти – привилегированно находясь в тронном зале, с высокими потолками

и массивными стенами. Аскетичный и скромный воин Жаршары, принял единственно правильное для себя решение! Переводя взор от мальчика на хана, Жаршары уверенно возразил:

– Нет, я не убью его! Скорее сам паду, нежели осмелюсь это совершить!

Тут же свора из высшего общества, с ещё большим рвением начала порицать и оскорблять дерзнувшего Жаршары. Недовольный, хан Муглук топнул ногой и закричал:

– Молчать!..

Затем добавил:

– Жаршары... Ты снова ослушался меня. Мне всё-таки придётся тебя...

Тут Жаршары внезапно перебив его, заявил:

– Повелитель, простите за бестактность. Однако перед тем, как вы что-то скажете, мне бы хотелось донести до вас одну истину: фундаментальной догмой обосновавшуюся в потёмках фертильного подсознания и струёй нестигаемой веры, треплющуюся в моей сумбурной душе. Я чётко осознавал, что моя реплика и сделанный выбор, вызовут непредсказуемую бурю всеобщего негодования при внезапном помрачении фона безоблачного небосвода, опрокинувшего всеобщий триумф, критикой поспешного и слепого бичевания агнца!.. Для своего, якобы неподчинения, у меня есть веская и монументально-зигдущаяся на «шариате» причина. Я не хочу лебезить и унижённо ползать перед вами, как холоуи европейских монархов – целуя засаленно-блестящий пол, лживыми устами. Или же, оправдываться перед всеми остальными высокопоставленными лицами, за свои некогда совершённые и намериваемые деяния. Поскольку моя основополагающая цель, различение пчёл и мух, мускуса и гнили, без показушного лицемерия при выражении самостоятельно-сформированного и неоткорректированного мнения!

Периодично переводя свой пронизательный взгляд от присутствующих к повелителю, Жаршары уверенно накалял обстановку, добавляя ораторскую роспись, в каждую вшитую в изречение идиому, тем самым прибавляя вес произносимым словам. Заведённый военачальник, рикошетными фразами указывая на чиновников и старейшин, аккуратно вставлял во всеобщее-зияющее недоумение присутствовавших, довольно колкие фразы Омара Хайяма. Нарочно указывая на короткую память обвинителей при полу-ведении элит, а также заостряя внимание хана Муглука на политической расхлябанности, из-за которого многие, как бы старались усидеть на двух стульях, конъюнктурно отгородившись от народа:

«Один не разберёт, чем пухнут розы...

Другой, из горьких трав, добудет мёд...

Дай хлеба одному, навек запомнит...

Другому, жизнь пожертвуй, не поймёт...»

Затем, Жаршары провёл параллель между сказанным им ранее и тем, что было сформулировано великим персидским философом и мудрецом, более чем двести лет тому назад:

«В этом мире – глупцов, подлецов, торгашей,

Уши (мудрый) заткни, рот надёжно зашей.

Веки плотно зажмурь – хоть немного подумай,

О сохранности глаз, языка и ушей!»

В конце концов, немного взяв себя в руки и соответственно, расставив все точки над «i», Жаршары сконцентрировал свой изначально мощный посыл —напрямую адресовав спонтанную проповедь, падишаху. Плавно переходя от эмоционального шторма, к рассудительному штилю и обратно, он с полной уверенностью заявил:

– Хан, воистину вы первый, кто после стольких лет, испытанных страданий и отчаянья, разглядели во мне скрытый потенциал – поверив в невзрачного и юного солдата, приняв как равного, среди почтенных!.. Вы спрашиваете, «почему я не лишил его жизни?» Что ж, мой ответ вам, будет таковым. Я не убил и не убью этого мальчика по той причине, что в нём, я отчётливо вижу самого себя! Наша судьба, в чём-то идентична, в этом несправедливом и бренном мире. На секунду мне показалось, что если я испущу его дух, то избавлю отрока от многих мучений в будущем, которые я переживаю лично, по сей день. Однако его глаза напомнили мне, что милость Всевышнего, безгранично даруется всем созданиям! Поскольку Аллах, оберегает и предаёт сил каждому, кто, будучи немощным и бессильным, взывает к Нему! Он облагодетельствовал многих рабов, верующих в Его Могущество – внушив также моему, некогда разбитому на множество осколков сердцу, что самое главное в скоротечной жизни, вера и человечность при каждом, лихо закрученном судьбой, невероятном сюжете!

– О, хан Муглук... Я просто не могу убить его. Ибо этим проступком, точно уничтожу в себе того человека, которого вы во мне и разглядели! Да, я являюсь солдатом, который постоянно лишает жизни других воинов в бою. Но, каждый человек, в пылу битвы, сражается не за помпезно-лестные регалии. А за свои убеждения – идя по неизбежной тропе, к неминуемому воздаянию. Поэтому, я не могу отнять шанс у этого мальчика, самому встать на предначертанную фатумом аллею. Мы, в чужой судьбе, всегда будем лишь прохожими и массовой – деля один кусок чёрствого хлеба, и голубое небо над головой. Здесь совершенно не важно, ханом сльвёшь ты, или же рабом...

Как сирота, протоптавший путь к зыбкому успеху: читая под куполом библиотеки, трактаты и фолианты, ныне канувших в историю мудрецов и учёных. А также вслушиваясь в рассказы странствующих дервишей, часто отдыхавших в прохладной тени, под деревом, около мечети. Я рос и креп, вдохновляясь жизненным примером праведных предшественников, в пассионарном поиске собственного предназначения. После долгого и изнурительного дня – спустя семь слоёв обильного пота, закаляя терпение и волю, в кузнице доброго мусульманина. Пройдя через огонь и воду, но всегда лицезря на горизонте доброе предзнаменование: встречая достойных спутников, с возвышающейся милостивой десницей, над моей исхудало-дрожащей мозолистой ладонью. Каждый сделанный выбор, в этой витиеватой жизни, поэтапно изваял из меня ту самую личность, которую вы видите перед собой. Теперь же, я просто не смогу и не посмею, карающей рукой, закрыть навеки невинные глаза, проявив высокомерную неблагодарность, ради сиюминутных лести и благ обольщающего дольного мира! Поистине, этим греховным решением, невольно потушив свечение в собственном, сердобольном сердце! Свет веры, пробивается изнутри нас... Это единственная нить, что связывает творение, с Аллахом! Хан, я вижу в этом ребёнке огромный потенциал, из-за чего возлагаю на него большие надежды. Я верю, он станет почитаемым воином, оказавшись в плееде величайших героев. Умоляю вас, пусть он учится военному ремеслу у лучших наставников Фариза. Тогда он сможет искренне и верно служить вам, самоотверженно и жертвенно охраняя символ и венец власти – в трудный момент, где бы вы ни были, без сомнения, отдав за вас собственную жизнь!

– Если же данное обстоятельство, по окончании моих слов не будут иметь благоприятный исход. То я ультиматумом заявляю, что ценой сознательного и возможно не долгого существования, буду до последнего вздоха защищать дитя, несмотря на численность и закон!

Сразу же достав свою саблю, Жаршары встал в позу, тем самым поставив жирную точку. Перед этим во всеуслышание – вскользь, доблестно добавив:

– Я не позволю вам навредить ему...

Все свидетели данной картины, внезапно содрогнулись от сказанного, страшась вставить хоть какое-либо слово в затянувшуюся паузу. Знатный люд (ввергнутый в полное замешательство), лишь молча дожидался решения ошеломлённого хана. Он, в свою очередь, долго всматривался в уверенные и пристальные глаза Жаршары. Потом обратил внимание на бегущие

по сторонам глаза своих приближённых. Признав храбрость Жаршары и мальчика – схватившегося пальцами за его штаны, он громко засмеялся. Затем, поменяв свой прежний настрой, промолвил:

– Что ж, Жаршары... Ты ждёшь справедливого решения? Вот мой тебе ответ!

Все, включая Жаршары и мальчика, ждали вердикт хана Муглука. Вдруг, падишах восхищённо промолвил:

– Твоя дерзкая речь воин, убедила и напомнила мне о том, что воля Аллаха, сильнее воли простого хана!

Затем, ещё на мгновение, уйдя в раздумье, также неожиданно воскликнул:

– Мальчик будет жить... Он будет учиться военному ремеслу у лучшего воина и героя города Фариз. Среди моих наставников военного искусства и опытных военачальников, я уверен лишь в одной кандидатуре. Это ты – Жаршары! Бери же его... Да научи всему, что умеешь... Эх, побольше бы таких людей, как ты. Ты наглядно показал нам, что, даже падая в грязь, можно встать, не испачкавшись... До тебя я считал это невозможным. Но ты, открыл мне глаза на многие недостатки в привычном суждении – позволив переосмыслить устоявшуюся политику, в моём многолетнем правлении. Теперь, я даю вам обоим шанс, проявить себя. Так не разочаруйте же меня...

Жаршары, благодарно поклонившись, ответил:

– Ваша воля, моими руками хан – будет исполнена!

После принятия гуманного решения, в завершении, хан Муглук облегчённо промолвил:

– Все свободны...

Тут же собравшиеся, быстренько разошлись, ещё долго обсуждая в кулуарах, данное эмоциональное событие.

Так Жаршары взял маленького ученика под своё крыло. С этого знаменательного дня, перевернув жизнь ребёнка, с ног на голову. Аккуратно начав коммуницировать, постепенно выстраивая доверительное отношение, новоиспечённый наставник, по крупницам восстанавливал моральный, ментальный и физический облик отрока, отравленного прежними субъективными суждениями об устройстве мироздания. Как добросовестный и предусмотрительный попечитель, для начала он дал ему новое имя – как бы иной аутентичной культурой, искусственно отрезая старые порочные связи и одновременно, стараясь подпитать угасавшие человеческие чувства, нежными и тёплыми воспоминаниями о родной и любимой матери. Жаршары хотел сделать из него полноценную, свободомыслящую личность, а не безвольного солдата, которому чужды сострадание и добро. Поэтому символически, он назвал отрока, Курултай – в честь собрания, на котором решила его беспрецедентная судьба.

Курултай, на удивление был сообразительным ребёнком – схватывавшим всё на лету. Он очень хорошо усваивал новые знания, которое вливал в него, его требовательный наставник. Как глубоко верующий человек, Жаршары учил Курултая постигать военное искусство, путём милосердия: он обучал его, в первую очередь видеть в противнике, равного человека – чувствовать его лишения и надежды, как свои. Проявлять терпимость, в любых ситуациях – во всех земных вопросах, руководствоваться наставлению, изложенному в Коране, а также, следовать сунне пророка Мухаммада (*да благословит его Аллах и приветствует*). Но самое главное, никогда не быть марионеткой своего необузданного вожделения, когда смута, через неокрепший разум, решит пустить корни сомнения в его беззащитную душу!

Вскоре (по завершению похода), Жаршары женился... А через год, после свадьбы, у него родилась дочь. Маленький Курултай, всегда был рядом. Он имел неподдельный интерес ко всему, чему его обучал Жаршары. Когда Курултая было около восьми лет, тот уже был способен уверенно держаться на лошади и скакать на нём, не отставая от других наездников. Часто со стороны, взаимоотношения Курултая и Жаршары были похожи на отношения отца и сына. Он научил Курултая читать и писать... Что немаловажно, для глубокого освоения материала

и полного погружения в историю ремесла, и традиционный быт, Жаршары позволил ему жить в собственной семье. Дабы буквально демонстрировать жизнеспособность и практичность учений на личном примере, а не предоставлять гомеопатические пилюли, выдавая их за алхимическую панацею.

К сожалению, общаться с другими детьми, ему строго настрого было запрещено. Но, он не обижался из-за этого, на своего господина. Напротив, тот очень боялся огорчить его... Перед ним Курултай, всегда пытался натянуть счастливую улыбку, хотя грустные глаза, чётко описывали состояние его томной души. Жаршары хорошо понимал мальчика – видя, что тот ощущает себя не в своей тарелке. Однако никогда не сострадал ему, дабы закалить его отсутствием каких-либо чувств. Так как сам Жаршары, пройдя через такой тернистый путь, искренне верил в латентные возможности ученика: как опытный кузнец, помещая его сущность в ментальную печку – скрупулёзным образом организовывая бесформенную ауру. Он навязчиво пытался растряссти закупоренную бутылку, высвобождая весь предвкушаемый потенциал. Тем самым, направив Курултая, к стезе просветления и осознания – трепетно посадив зерно духовного принятия, порывами постоянного напоминая, что не стоит бездумно привязываться к земным реалиям, предав забвению вечную жизнь. Жаршары верил, что, когда-нибудь Курултай собственноручно откроет ворота своего сердца – со всей неподдельно-благодарной и искренней жертвенностью, ради Создателя. Ибо лишь только тогда, он почувствует взаимную любовь от Аллаха и больше никогда не будет во власти гнетущего волю, вожделения!

Молодой наставник, очень хорошо объяснял те, или иные нюансы во всеобъемлющей банализации – приводя притчи и философские примеры, заставляя юного ученика (на максимум), включать воображение. К примеру, Жаршары проповедовал:

– Люди, в своём большинстве, не хотят и не могут, жить за рамками вбрасываемых суждений, «выходя за скобки вверенного им правила, контролируемого жития». Поскольку на всех ступенях анархизма: физического, ментального и духовного аспектов, их будут неизбежно встречать представители локального и глобального закулисья. Будто мрак, подступая к душам, и словно тень, сливаясь со свободомыслящими личностями – затмевая их разум. Всякий, кто начинает поднимать голову и пробуждать остальных, изначально подкупается: деньгами, плотскими утехами и даже властью, таким образом, туша изначальный потенциал. Затем, если это не эффективно, то его обольщают наследием: давая таким (голосам поколения) побеждать в незначительных стычках, дабы сдвинуть основу бунтарского пыла, деморализуя депрессивными импульсами и обременяя отчуждающими потугами. Впоследствии, систематично уничтожая их славой (ментальным одиночеством) и нажитым, трагическим роком. Далее, если и это не сработало, то вход идёт религия. Не стоит её отождествлять с духовным кредо – верой и образом праведной жизни. Так как религия, имеет фанатичный и жестокий окрас: различные формы и виды духовенства, течения и ритуалы (языческие и оккультные), научный догматизм, агностицизм и даже атеизм. Воистину, даже неверие – форма поклонения, но только обращённое к проклинаемому (дьяволу). Поэтому, настоящий – Авраамический (аутентичной формы) монотеизм, ниспосланный через божественные откровения и пророков, являлся иголкой в стоге лицемерного и, сумбурно-скабрёзного сена. Только единицы, могут выстоять против такого врага и его зловещей армии, перетерпев вся невзгоды!

– Увы, но такого персонажа, встретить крайне сложно. Даже почти невозможно... Ибо подавляющее большинство – все мы, (на девяносто девять и девять в периоде) живём под колпаком. А тот, кто стал исключением в сей формуле, олицетворялся песчинкой в стане бескрайней вселенной! Однако, даже эта крапинка, способна завертеть «фундаментальный коловрат» и остановить безжалостные жёрнова – встав поперёк горла, представителям несправедливого века, на просторах дольного бытия! К сожалению, такие реформаторы, рождаются крайне редко. Возможно даже раз в тысячелетие...

Чтобы развить критическое мышление, Жаршары также говорил:

– Представь же Курултай самого сильного, богатого, умного, коварного и властного врага, когда-либо жившего на земле. Пусть даже будет он мифическим существом, с совокупным изобилием безмерных качеств, неоспоримого превосходства. А теперь, обрами своё эго, данным (сформированным в воображении) всеильным образом – это твой противник... Знай, покуда его не одолеешь, тебе не слыть великим! Будь объективен при битве с ним. В нём всё твои вожеления и страхи: катастрофические неудачи, обиды и проклятия, наветы, напраслина и заговоры, ошибки, пороки и грехи. Сумей стать выше всего перечисленного – расщепляя смуту в собственной голове, отрекаясь от желания поставить какой-либо знак, между добром и злом...

Такие уроки преподавал Жаршары, будучи сам малообразованным. Не имея даже приемлемого статуса, для возможного обучения у мудрых наставников и учителей своего времени. Однако знания – познание и осознание, даруется лишь любимцем Аллаха при непоколебимой праведности и богобоязненности! Коим отличался юный военачальник, самостоятельно развивавшийся многопланово и многосторонне, непосредственно заостряя внимание на последующей жизни, и на способах его благого достижения. Соответственно, придерживаясь фундаментального кредо: «чёткого изучения (азов) самому и лишь затем, верно (без искажений) передача полученного знания другому...»

У Курултая были и свои врождённые добродетели. Он не был болтлив, как остальные дети, в его возрасте. Его фразы, выходили из уст лишь только в такие моменты, когда он добровольно предлагал Жаршары свою помощь: почтенно опуская перед ним крыло смирения и уважения.

Шли годы... Словно одним движением век, сменялись бархатные сезоны пористого существования при остаточном шлейфе, выветриваемого петристора беспечного жития. Незаурядный Курултай быстро рос, мужал и креп. Уже с четырнадцати лет он везде сопровождал Жаршары – был его тенью в мирное время, а в битвах, превращался в живой щит и разящий меч. Наравне с военным искусством он учился и красноречию, пытаясь во всём подражать Жаршары. Ведь его наставник, мог правильными и манерно-подвёрнутыми словами переубедить любого собеседника, заставив согласиться с его точкой зрения. А также остротой пронизательного ума, вынудить легкомысленного оппонента сделать то, что ему действительно было угодно.

Жаршары имел огромную популярность среди простых людей. С каждой новой победой – в сражениях, он легко и быстро завоёвывал сердца жителей Фариза. Но ещё быстрее, тот продвигался по карьерной лестнице, на зависть остальным. Видя способности и возможности Жаршары, хан Муглук поручал ему всё более сложные, и ответственные задачи. Впоследствии, сделав его одним из своих приближённых. Таким образом, фокусируя перспективного Жаршары всегда у себя на виду. Ибо любой стоящий у руля, в итоге приходит к суждению, что необходимо «держат союзника рядом, а потенциально-возможного врага, ещё ближе». Ввиду своего многолетнего опыта хан Муглук не мог полностью довериться и открыться Жаршары. Ведь власть, воистину развращает многих... Поэтому тот, кого ты кормишь с руки сегодня, может запросто откусить её завтра. Но Жаршары, особо не придавал этому значения, поскольку он вменил себе в обязанность, никогда не претендовать... Даже порою чувствуя подвох в некоторых отдаваемых ему поручениях, он продолжал исполнять приказы, не перечая воле благородного хана.

Фариз стремительно развивался. Отношения с ханом Естаем крепились с каждым днём. Но, к сожалению, здоровье Хана Муглука (в связи с его преклонным возрастом), стало стремительно ухудшаться. Старость и раны, из-за многолетних компаний, дали о себе знать. В эти тяжёлые месяцы хан почти не выходил из дворца. Многочисленные лекари двадцать четыре часа в сутки были рядом со своим правителем. В этот год также тяжело заболела и жена Жаршары. После недолгих мучений она тихо покинула этот мир, на руках своего мужа. Как же

сильно горевал Жаршары. В последний путь, до вечного пристанища, её провожали всего два человека: преданный муж и вечный его спутник Курултай. Высокомерные родственники жены, увы, не пожелали присутствовать на похоронах, оборвав с ней все связи, когда она вышла замуж за Жаршары. Ссылаясь в то время на то, что они из почтенной и уважаемой семьи. А он, по их убеждениям, был для них всего лишь сиротой и грязным ублюдком, не имеющим за душою ничего, кроме своего военного снаряжения. Это его нисколько не оскорбило. Потому что в трудное время, в его окружении были только самые близкие для него люди: дочь Фатима, Курултай и преданные ему до конца солдаты. В таких мрачных и печальных тонах, после похорон, миновало сорок дней...

Рано утром – на сорок первый день, Хан Муглук, чувствуя приближение своей неотвратимой кончины, вызвал всю высокопоставленную элиту во дворец, дабы поскорее передать власть, в руки достойного преемника. Среди советников, старейшин да военачальников, был и Жаршары. После того, как созванный костяк собрался перед ханом, тот повелел всем перешёптывавшимся людям, успокоиться и выслушать его наставления. Господа, тут же притихли...

Затем, Хан Муглук обратился к присутствующим, со своей речью:

– Спасибо всем вам, за то, что прибыли безотлагательно, в мои закатные мгновения. Я очень горд, поскольку вижу в эти моменты перед собою, лучших сынов своего народа. Мне тяжело говорить... Ибо с каждым вздохом, мои силы неумолимо убывают. Сейчас – постепенно теряя вменяемое состояние и сознание, я чувствую, как уже сделал сей неумолимый шаг, в мир иной. Ныне же прощаясь с вами, я наконец-то готов встретиться с Творцом! Однако перед этим, я должен поставить точку в своей жизненной книге, вверяя бремя высокой власти избранному верой – переворачивая новую страницу в судьбе одного из вас. К моему великому сожалению, у меня нет своих детей. Да и достойного близкого родственника, которому мог бы доверить попечительство и управление, над нашим народом. Поэтому, в этот тяжёлый для меня час, я принял нелёгкое решение, которое скоро вам озвучу. Я хочу поблагодарить всех собравшихся за хорошую службу, под моим капризным началом. А также, попросить прощения за многие деяния, что в разные годы моего правления, негативно повлияли на многих из вас. Озвучив всё это, я рад, что очистил свою совесть от примесей лжи и недомолвок. Теперь же, на праве всё ещё действующего хана, я хочу, чтобы после моей кончины, будущий преемник, неукоснительно исполнил все пункты оставленного мною завещания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.